

Евгений Анатольевич Попов

Прощание с Родиной

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11825094

*Попов, Евгений Анатольевич. Прощание с Родиной : сборник: Издательство «Э»; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-83373-3*

Аннотация

В новой книге Евгения Попова собраны рассказы последних лет, объединенные фигурами двух его любимых персонажей – литератора Гдова, за которым легко угадывается сам автор, и безработного Хабарова, «шестидесятника», который тщетно пытается вписаться в безумные обстоятельства нового века и тысячелетия, где человек человеку уже не друг, товарищ и брат, а вообще неизвестно кто.

Фантасмагорические детали нынешнего бытия, которые и нарочно не придумашь, уморительный «смех сквозь слезы», блестящие стилевые изыски в сочетании с жесткими, шокирующими реалиями повседневной жизни – все это делает новое лирико-сатирическое сочинение признанного мастера современной русской прозы весьма качественным чтением, способным привлечь внимание самых широких читательских кругов.

Содержание

Валютное пространство	5
Валютное пространство	5
Золотилось великолепное солнце	11
Вопрос из 1982	11
Ответ из 1992	18
Комментарий писателя Гдова. 2015 год	19
Данилов монастырь	20
Это было в апреле 1985 года...	20
Как писатель Гдов в историю влип	26
Красавица Джемма	32
Оскал	36
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Евгений Попов

Прощание с Родиной (сборник)

© Попов Е., 2015

© Сидоров Е., предисловие, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Валютное пространство

Валютное пространство

25 мая 2005 года от Р.Х., в тот самый день, когда на Москве вдруг погас свет, писатель Гдов и безработный Хабаров как раз стояли в очереди на обмен валюты. В том самом пункте одноименного названия, который, как известно, расположен в полуподвале. На улице какого-то отмененного вождя с полузабытой фамилией, которую, с одной стороны, никто никогда не помнил, а с другой – мы все теперь живем в новой реальности, у нас есть новые, не менее значительные вожди, какое нам дело до старых?

Вечерело. В очереди, кроме писателя и безработного, стояли еще несколько человек, включая проститутку в короткой облегающей юбке с блестками, подростка новой формации, оснащенного банкой пива, пожилую женщину в фуфайке с надписью «CAMEL» и лысого мужика, более похожего на «лицо кавказской национальности», чем на иудея, каковым он, по его признанию, являлся.

– Знаешь анекдот? – сказал Хабаров. – Действие происходит В ТЮРЕМНОМ ЗАМКЕ. Один другого спрашивает: «Что такое теория относительности?» Другой отвечает: «Это – вот ты все ходишь-ходишь, а на самом деле – сидишь...»

– Пошел ты на... – ответил Гдов, не расшифровав, впрочем, это сакраментальное слово, обозначенное тремя точками. Ведь у писателя Гдова, как у Максима Горького, было тяжелое детство, проведенное под глыбой тоталитарного режима в семье, подверженной влиянию алкоголя. Но как лишь он паспорт-то получил, так тут же начал трудовую и диссидентскую деятельность в геологических экспедициях и на страницах неподцензурных изданий. А от ныне безработного Хабарова его родители, мелкие советские клерки, отказались почти сразу по достижении им половой зрелости. Ведь этот баловень судьбы с детства лишь трахался с кем попало, фарцевал, шлялся по кабакам и лишь потом вступил в партию КПСС. Когда уже БЫЛО ПОЗДНО.

– Ты зачем в партию-то вступил, когда уже было поздно? – спросил Гдов.

– А кто б меня туда раньше взял? – охотно отвечал Хабаров. – А впрочем, какая разница – раньше, позже, сейчас, никогда? Я лично никакой разницы не вижу.

– Я тоже, – сказал Гдов, и друзья надолго замолчали, вспоминая свою счастливую юность, проведенную в стенах Московского геологоразведочного института им. С. Орджоникидзе, где, заполняя различные прошения о материальной помощи, они наконец-то научились правильно писать такую трудную фамилию. Не Ордженикидзе, а ОрджОникидзе. Немногие в нынешней, умытой социальными грозами России обладают этим знанием. Зато многие вообще не знают, кто это был такой.

Очередь продвигалась медленно. Честно нужно сказать – таинственно и медленно. Под плакатом, фиксирующим точное взаимоотношение трех новых товарищей – евро, рубля и доллара, симметрично сидели двое служивых, одетых, несмотря ни на что, в пятнистые бронежилеты. Да и без автомата Калашникова не обошлось – каждый держал на коленях, как ребенка!

Именно они и регулировали очередь мановением пальца, согнутого в крючок. Люди видят, что палец мента, согнутый в крючок, манит их войти, они и входят – для свершения либо прямой, либо обратной валютной операции. Ведь так уж устроены люди, одним нужна валюта, другим – рубли, третьим вообще ничего не нужно. А ведь это всего лишь ТРИ из бесчисленной разновидности людей, понимаете?..

– Что-то очередь продвигается медленно. Честно нужно сказать, таинственно и медленно, – начал было Хабаров, но тут один из служивых вдруг неожиданно для всех встал и... поманил пальцем очередного посетителя, которым, согласно порядку вещей, оказалась проститутка. Одернув свою красивую одежду, она шагнула за роковой порог и исчезла за его пределами, а также за пределами этого короткого, но правдивого повествования, заметим мы, морщась, как от зубной боли.

– Странно, – сказал признавшийся иудей, – куда как странно.

– Что же тут странного? Наверное, работает всего одна касса, отчего и очередь. Оттого и движется медленно, – степенно объяснил новорусский подросток, и Гдов с Хабаровым невольно отметили, что он, вопреки своему развязному обличию, говорит на правильном, чистом литературном языке, а не на «новой фене», столь характерной для нынешних гипер-телевизионных времен. Действительно, странно. А впрочем, в мире гораздо больше есть странного, чем нам кажется. Вот, например, этот рассказ...

– Да я не о том, – продолжил иудей, – я о том, что вот вы, например, заметили или нет – ДЕВУШКА-то зашла, да?

– Да.

– А оттуда НИКТО НЕ ВЫШЕЛ!

И он торжествующе посмотрел.

– А кто оттудова должен был выйти? – громко спросила старуха «CAMEL», обнаружив своей речевой характеристикой подлинную сословную сущность себя как выходца из низших кругов послевоенного колхозничества, отдавшего свою жизнь воспитанию чужих детей города Москвы, которые выучились на рояле и английскому языку, отчего теперь управляют страной.

– Очередной клиент, матушка, – ласково сказал лысый, которого мы уж больше не станем из политкорректности называть иудеем, чтобы наши оппоненты с двух сторон не подумали чего-нибудь лишнего, что мы, например, на чем-то концентрируемся.

– Дак... вить... там, однако, и друга дверь есть, – горячо продолжила старуха, но ее волнения никто не разделил: очередь переминалась с ноги на ногу, замолчав, казалось, навсегда.

– Кретины, – практически молча резюмировал писатель Гдов, отнесясь к своему товарищу, и тот укоризненно поднял брови...

– Далеко же ты удалился, друг, по дороге прогресса в сторону деградации, – укоризненно поднял брови безработный Хабаров. – Разве ты имеешь право определять одним словом целый народ, да еще такой великий народ, как народ России, который принудили стать подопытным стадом для проведения всех тех грандиозных экспериментов, на которые пустились самые говенные умы нашего столетия?

– Успокойся, кретины – это мы все, – успокоил товарищ товарища. – Ведь то, что, например, делаем в данную минуту мы с тобой, имеет еще меньше смысла. Потому что традиционная очередь при советской власти, за водкой, например, или за билетами в очаг культуры, имела хотя бы строгое логическое обоснование в смысле дозированного распределения всего того, чего кому положено и чего, как всегда, не хватает. А мы в данный момент СВОЕ обмениваем на СВОЕ и опять для этого стоим в очереди посреди свободной России.

– А выпить? – сказал Хабаров.

– А я за рулем, – ответил Гдов.

– Да, ты прав, – грустно заметил Хабаров, но тут лысый еврей, не выдержав, нажал специальную кнопку специального звонка для вызовов администрации, и один из служивых, лениво отодрав мятый зад, выпрямился под плакатом и лениво же гаркнул через закрытую, но стеклянную дверь:

– Чего?

– А ничего! Потому что очередь не движется!

– Двигается... это... работаем с клиентами... – Служивый, все объяснив, снова плюхнулся в кресло. Обратно. В кресло. Он. Снова. Сел. А товарищ его уже тоже там сидел. В другом кресле. Его коллега. Тоже служивый. Их было двое, одетых в пятнистую форму. Несмотря на жару. В бронежилетах. Автомат Калашникова. Москва – Чечня, далее везде. Пункт обмена валюты. Короче говоря, надоело нам метать этот бессмысленный псевдонатуралистический бисер! Ведь, товарищи, хоть перестройка и не удалась, но жизнь-то ведь продолжается, товарищи! Наука и техника не стоят на месте. Везде все писатели пишут на компьютерах сочинения на различные темы, гораздо более актуальнее и умнее, чем мы, плетущиеся в хвосте или обозе! К тому же новые способы коммуникации, информации. Мобила, например. Компьютер. Интернет. Или вот в телевизоре актуальные интервью хошь с кем хошь. Хошь с президентом ВВП, хошь с последним бичарой, ночующим под платформой № 2 Павелецкого вокзала в ожидании восхода солнца. Мы обратно идем по пути решительного прогресса!

Да взять, к примеру, хоть и этот конкретный пункт обмена валюты, о котором, собственно, и идет речь. Евро, доллары и рубли, вопреки опасениям обывателей, никак не заканчивались. Над зубчатой кромкой Павелецкого вокзала всходило романтическое солнце. Хорошо жить в обновленной России, еще и лучше, чем в Советском Союзе. Правда, друзья?

Постепенно исчезали в валютном пространстве и старуха в господской фуфайке, и юный бизнесмен – представитель «новой формации», а не шпана какая-нибудь, ведь не зря нами было подчеркнуто, что он говорит на правильном русском языке, славная все-таки у нас растет молодежь, а то, что часть ее часто сидит в тюрьме, так кто теперь в тюрьме не сидит? «От суммы да от тюрьмы не зарекайся» – эта пословица в связи с напряженной внутренней и внешней обстановкой становится все актуальнее и актуальнее... Все исчезли, включая лысого, который, кстати, совершенно не исключено, что действительно лишь ВЫДАВАЛ себя за иудея, повинувшись одному лишь ему известным мотивам и учитывая упоминавшуюся строчкой выше обстановку посттоталитарной России. Остались пред воротами золотого тельца лишь писатель Гдов да безработный Хабаров. За ними, естественно и конечно же тоже, выстроилась очередь – кто с долларом, кто с евро, кто с простым мешком денег. Есть, есть в нашей стране богатенькие граждане, нечего прибедняться! Удивительно лишь то, что вообще существует такое валютное пространство. Во-первых, что власти опять не сажают в тюрьму за 25 центов, как это они любили делать раньше, а во-вторых, что граждане упорно стоят в очереди, хотя вполне могли бы устроить приватный взаимовыгодный обмен друг с другом, минуя чуждые инстанции. Закон, скажете вы... Нет уж! Какой такой закон, если за его нарушение вышка не светит? Просто много еще у нас цинизма и суеверия, товарищи! Люди буквально опалены горьким ядом веры в то, что на земле существовал, существует и вечно будет существовать ФАЛЬШИВЫЙ КУПОН. Подчеркиваем, кстати, еще раз эту важную деталь повествования, пока она окончательно не вытравилась из вашей памяти. Зашли туда, в чрево пункта ОБМЕНА ВАЛЮТЫ, многие, а не вышел оттуда НИКТО!

Но, как говорится в народе, – дождались! Служивые манят наших героев пальцем. Входите, дескать, господа-товарищи.

Служивых, кстати, как мы уже сообщал, было двое – один высокий, другой – низенький (этого мы не сообщали), но выглядели они совершенно одинаково, как доллары, евро и рубли, как камешки на морском берегу, как братья, дети одного отца, который, по выражению американского писателя Шервуда Андерсона, «видите ли, ушел в море». Вот как дисциплинирует и преображает людей штатная одежда, табельное оружие и демократия.

Чего не скажешь о двух наших друзьях-приятелях, не имевших ни того, ни другого, ни третьего, а имевших – один отвислое пузо, лысину вполголовы и кривую бороду (писатель Гдов), а другой – наглую морду, 1 м 87 см роста, трепетное сердце безработного (безработный Хабаров). И московскую прописку (оба).

Поманили пальцем... А они в это время слушали радио по обыкновенному комнатному динамику, оставшемуся в помещении на память о мрачных временах. Откуда доносилось информационное сообщение о том, что на юге Москвы уже что-то полыхает.

Шагнули они, значит, в неведомое пространство, а ничего-то сюрреалистического-то они, друзья, практически-то и не обнаружили там, откуда никто не возвращался, дорогие вы мои, хорошие. Просто, знаете ли, сидит за бронированным стеклом девчонка – оленьи глаза и молча на них смотрит, держа двумя руками пачку зеленых долларов. Зелень. Цвет весны, возрождения. Оленьи глаза. Эх, люблю романтику!

– Проходите, граждане, – услышали они негромко сказанное неизвестно откуда и даже не успели удивиться – куда это им еще приказывают проходить, к Богу в рай, что ли, когда они и так уже на месте.

Но тут вдруг сама собой распахнулась пластиковая финская дверь, расположенная практически бок о бок с бронированной оленеглазой девчонкой, и их туда, в эту дверь, практически как бы и засосало, как в некий вакуум. Вакуум – это по-русски будет пустота, если кто не знает.

А там-то все и началось! Там сидел им и всему старшему поколению постсоветских граждан до боли знакомый коммуняка с портфелем-дипломатом, шагнувший в неведомое пространство обмена валюты прямо из застойных времен Леонида Брежнева, К.У. Черненко, поэта Андропова и раннего Горбачева. Над коммунякой портрет Ленина сиял, как родной, слева стояла несгораемая железная касса, справа – графин с водопроводной водой. Коммуняка брезгливо посмотрел на зеленые бумажки, которые друзья держали в руках, нелюдимо просипел что-то неразборчивое, брезгливо и привычно махнул пухловатой короткопалой рукою и...

...и друзья оказались ввергнутыми в следующее узилище. «Черного кобеля не отмоешь добела», – высказал с экрана древнего советского телевизора «КВН» свою точку зрения на американский империализм Никита Сергеевич Хрущев, правивший непосредственно после Сталина, а белозубый комсомолец с пшеничным чубом, внимательно слушавший содержательный доклад тогдашнего лидера, сначала им незаметно подмигнул, а потом, на секунду оторвавшись от телевизора, от важного дела собственного политического просвещения, угодил каждого из них хорошим пинком, отчего они тут же и вылетели в следующую дверь, лишь на секунду удивившись, сколько тут, в простом обменном пункте, просторных арендованных помещений. Наверное, недешево стоит эта аренда в свете набирающей силу рыночной экономики обновленной России?

...Время – назад! Сталинские соколы в темно-зеленых френчах и мягких кавказских сапожках. Какой-то запомнился хрен моржовый типический, в полотняном картузе, с нашлапкой усов над тонкой губой. Трудновато пришлось ребятам: бессонные ночи, конвейер на Лубянке, ледяной ад колымских лагерей... но вот уже новые ворота распахнулись, за которыми оказался полный НЭП, организованный лично тов. Лениным «всерьез и надолго», где им за их доллары сулили кучу неведомо чего, каких красивых благ – и жареного гуся, и трактор «Фордзон», и концессию на забайкальских приисках, да не сошлись в цене, и опять им немного напинали бока.

...Смотались, Троцкого встретили – не соблазнились... а тут и какие-то совсем уже brutальные личности тянут их куда? Естественно – снова на допрос, и сидит там живописный дядька такой в усах пушистых, свисающих ниже подбородка, в смушковой папахе с красной лентой, да в кожане, тельняшке, да португеей перепоясанный, да оружием обвешанный – и чего уж у него только нет, братцы! Тут тебе и граната, и наган, и маузер, и разрывная пуля «дум-дум», и сабля – клинок боевой. Чего хочешь! На любой вкус! А одесную и ошую от него двое в таких же национальных костюмах времен Гражданской войны, пока еще безусые, хотя тоже очень храбрые.

– Кто такие, почему не знаю? – спросил красный командир.

– Валюту менять пришли, – бесстрашно и четко, как в фильме «Мы из Кронштадта», ответили писатель Гдов и безработный Хабаров, стоя, как на одноименной картине «Допрос коммуниста» художника Иогансона.

– А вот щас вам будет валюта, – посулился командир и ласково обратился к своей подрастающей смене: – А ну-ка, хлопцы, всыпьте-ка по пятьсот горячих двум этим мудакам.

...Закрыв глаза, до крови закусив губы, тяжело дергались под свистящими ударами революционного ремня. Больно-то – больно, но самое главное – за что?

– ...А за то, милостивые государи, что все мы коллективно виноваты в трагической истории нашей многострадальной матушки-России, – учил их какой-то сухощавый дореволюционный господин в пенсне, с добрыми близорукими глазами и бородкой клинышком. – Мы коллективно задолжали народу, совершенно оторвавшись от него. Гляньте окрест – какая чушь и дичь творится в наших бедных селениях! Поля и доли буквально стонут: свободы, свободы!.. И свобода придет, она неизбежно придет в 1917 году. Она будет нагая и с нагайкой. И лик ее будет ужасен и прекрасен, и судорога ужаса, восторга и сладострастия пройдет по нашей великой земле, нежели прежде все в конце концов не закончится естественным наилучшим устройством, и покой снизойдет на нашу усталую, обогренную кровью, пропитанную потом, пропахшую дымом пепелищ родную почву, и все люди действительно станут как братья, каковыми они и являются изначально безо всякого там Шервуда Андерсона. Но – труд и терпение! Тяжкий труд и великое терпение – это единственное, что может быть реальной дорогой, колеей, тропой или тропинкой. Так победим – в единении с землей, почвой, народом и прогрессом! И еще увидим небо в алмазах!

Ялта, естественно. 1904 год. Греческая кофейня на берегу лазурного залива. Белый парус по кромке горизонта слепит глаза. Жужжание насосавшейся опивок белого «Абрау-Дюрсо» пчелы, как аккомпанемент правильным речам солирующего хорошего господина, чьи речи убаюкивают писателя Гдова и безработного Хабарова, волею судеб перенесенных сюда из Москвы третьего тысячелетия. Мир, благодать... До Японской войны остался год, до Первой мировой – десять лет, до Второй мировой – тридцать пять, до Третьей мировой – неизвестно сколько.

Мир, благодать, но темнеет горизонт, и шквальный ветер перечеркивает пространство, и бесследно гибнет в черной пучине белый парус, и взбаламутивший море смерч гигантским штопором вонзается в берег, и выдирает оттуда, как пробку, и писателя Гдова, и безработного Хабарова.

И вновь стоят они в начале третьего тысячелетия, повинувшись моей писательской воле, в очереди на обмен валюты в том пункте одноименного названия, который, как известно, расположен в полуподвале. На улице какого-то отмененного вождя с полузабытой фамилией, которую, с одной стороны, никто никогда не помнил, а с другой – мы все теперь живем в новой реальности, у нас есть новые, не менее значительные вожди, так какое дело нам до старых?

Где пятнистые служащие все так же переговариваются под плакатом, фиксирующим точное взаимоотношение трех новых товарищей – евро, рубля и доллара. И вообще – все в полном порядке. Усталые, но довольные клиенты время от времени покидают пункт, теребя во взволнованных руках кто антисоветский рубль, кто американский доллар, кто континентальный евро, страна уверенно идет маршрутом рыночной экономики после того, как завершились классовые и национальные катаклизмы, утихла кровопролитная война на Кавказе, торжествует демократия, социал-демократы получили на последних выборах подавляющее число голосов, рейтинг Президента повысился совсем, погода устанавливает правила игры, фермер Краснов изобрел двигатель, работающий на воде и моче, пресечена попытка контрабанды старинных икон, в Башкирии установили особый порядок контроля за валютными

средствами, думская согласительная комиссия предложила депутатам не лишенный остроумия выход из щекотливого для страны положения, мошенница обманула клиентов на 20 миллионов рублей, американская корпорация поддержала поддержанные правительством США проекты в России, столичные капиталы перенесли схватку в регионы, политические проблемы подкосили западную валюту, управляющие активами пенсионных фондов объединились, а прибалты принялись винить в своих бедах и Запад, и Восток... а украинцы признали «незалежность» Крыма, но поставили в качестве необходимого условия переименование города Симферополя в город АКСЕНОВ – ПИСАТЕЛЬ, по фамилии автора популярной исторической хроники «Остров Крым», определившей судьбу этого региона... а долгое воздержание от выборов чуть не сыграло на руку оппозиции, а соотношения центра и регионов достигли состояния неустойчивого равновесия, а вновь введенную цензуру вновь отменили, а друг врага не обязательно враг.

И вообще, все было в полном порядке, когда 25 мая 2005 года, в тот самый день, когда на Москве вдруг погас свет, я, мирный обыватель Попов Е.А., стоял в очереди на обмен валюты за проституткой в короткой облегающей юбке с блестками, подростком новой формации, пожилой женщиной в фуфайке с надписью «CAMEL» и лысым мужиком, похожим на меня, как две капли воды на третью. Стоял и сочинял эти рассказы. Досочинялся.

Золотилось великолепное солнце

Вопрос из 1982

Представьте себе, что я очень люблю мать, Родину и книги. Насчет матери и Родины я не желаю распространяться, а о книгах – почему бы и не поговорить? Понятно, что, говоря о книгах, я имею в виду литературу отнюдь не общественно-политического звучания, не справочники либо энциклопедии, а произведения художественной литературы: повести, романы, стихи. Я, конечно, не такой уж тонкий и сильный знаток и ценитель, но книги я очень люблю. Люблю я также жену и ребенка (девочка), но это явления более другого порядка, чем мать и Родина, о которых я не желаю распространяться. А книги я просто люблю, практически до уместного в моем положении фанатизма.

Потому что времени очень мало свободного остается, чтобы читать книги. Пока задержишься на работе, пока то да се. Еще иногда мероприятие мы устроим заорганизованное или актив на полдня до вечера. Любим мы это дело, чего уж тут греха таить! И совершенно правильно критикуют нас за это журнал «Крокодил» и другие партийные издания. Но я, видите ли, я даже и не только читать, я вообще – любоваться ими люблю, книгами: четкие ряды светло-серых переплетов, или наоборот – переплеты темно-коричневые. Бальзак, Куприн, Пушкин, Жюль Верн, Гладков, Хемингуэй, Ильф и Петров, Константин Федин, Даниил Гранин, Евтушенко – сколько есть на свете отличных книг! Например, недавно жинка сумела подписаться на Всемирную библиотеку литературы в двухстах томах. Тоже там вообще-то попадают интересные новинки.

Жинка у меня молодец. Никогда не хнычет. На работу ездит трамваем. Она у меня педагог. Когда мы приехали сюда, в этот сибирский город К., стоящий на великой сибирской реке Е., впадающей в Ледовитый океан, помогать в осуществлении грандиозных планов партии и правительства по освоению Сибири и Дальнего Востока, я ей сразу сказал: «Вот что, Валюша! Пойми меня правильно, но ездить тебе на работу придется трамваем. Не очень удобно, конечно, но так нужно, потому что авторитет партийного работника копится годами, а растерять его можно в одну секунду». Жинка сначала меня не поняла, а потом поняла. Она у меня молодец. Она у меня педагог. Она у меня директор школы для умственно отсталых детей. Она у меня увлекается идеями Песталоцци, Ушинского, Макаренки. А что касается так называемого секса, то, может быть, она и права, что не «этим» единым жив человек, хотя, говорят, какой-то видный ученый из Германской Демократической Республики прямо намекает в своей на шумевшей брошюре «Эротика в браке», что и «это» имеет место для сохранности прочной советской семьи. Да мне-то что, когда у меня работа, семья, книги.

Дочка у нас еще есть, но она пока совсем еще малышка, и я ее до детсадика все же подбрасываю на своей, то есть служебной «Волге». По времени, правда, не совсем совпадает, и доча обычно запаздывает на их детский завтрак, но тут уж ничего не поделаешь. Как получается, так и получается. Тем более что и завтрак-то у них, прямо нужно сказать, не ахти какой и вполне соответствует тем копейкам, которые мы платим за этот детский сад. А в остальном все обычно – обычная девочка, обычный детский садик, и она ничем не отличается от остальных своих сверстников, такая же здоровая, румяная, ясноглазая, как и дети из так называемых «неблагополучных семей». Милая дочуля моя! Кем ты станешь – геологом, агрономом, химиком? Или, может быть, реализуешь заложенные в тебе мамой и частично отцом гуманитарные генные потенции? Страшно и сладко вглядываться в будущее! Вглядываться в будущее – это хорошо! То-то расцветет в будущем наша родная сторонущка!

А к современным писателям я все же отношусь двояко. Современнику, конечно, трудно судить о современнике, большое, как говорится, «видится на расстоянии», как говорил Есенин, но все-таки... Тут мы все как-то всей семьей прочитали нашумевшую книгу Зейнулло Кабдулова, лауреата Всесоюзного конкурса на лучшее произведение о современном рабочем классе. Ну и что? Ничего. Автор, конечно, не Шекспир – интересно, но явно не хватает глубины. И здесь у меня возникает вопрос – почему? Ну, почему так получается у более талантливых – чем больше у них таланта, тем больше идеологических шатаний, формалистических вывертов. Не знаю, но мне ясно одно – время агиток прошло. И вообще – одни времена прошли, другие не наступили. Или наступили. Не знаю. По этому вопросу, признаться, у меня в мыслях много путаницы, особенно когда я остаюсь один, то есть наедине с самим собой. Но книги я очень люблю. Мало того, что они скрашивают досуг или что из них всегда почерпнешь что-нибудь нужное и полезное, вроде как из той брошюры гдээрзовского немца. Нет! Они еще и необходимое человеческое тепло обеспечивают, столь необходимое в нашем сложном мире, которое я не постыжусь назвать ГУМАНИЗМОМ ДУХОВНОСТИ. И я не понимаю всех этих надуманных дискуссий про наступление на горло людей телевизора или масс-медиа. Телевизор – телевизором. Ведь телевизор – это голубой экран, а масс-медиа – они и есть масс-медиа. Зато книги – это вечная ценность и никаким экраном их не заменить – никому, никогда, незачем и не для кого. И при чем тут вообще масс-медиа?

Работаю. Я очень много работаю. Ведь обстановка, как всегда, напряженная, и международная в том числе. Устаю, конечно, иногда, как собака. Но иногда позволяю себе прогуляться по городу. Даже иногда и пешком, как какой-нибудь Гарун аль-Рашид, с которым я, разумеется, сравниваю себя в шутку. Мне нравится гулять пешком. Смотреть на новостройки, на взлетающие вверх массивы жилых домов, напоминающие космические ракеты, взлетающие в космос. Ученые утверждают, что раньше здесь весь город состоял из кривых деревянных и каменных домишек XIX – начала XX века, построенных купцами, капиталистами, помещиками и мещанами. Не знаю, не знаю, я их никого уже не застал. Когда меня сюда назначили из Москвы по велению партии и правительства и нам пришлось оставить свою уютную коммунальную квартиру в Сивцевом Вражке, эти строения уже были снесены и повсюду интенсивно разворачивался фронт работ цивилизованной новостройки с отоплением и канализацией. Действительно, ведь не шутка в деле – население города подбирается к миллиону. Согласно последней переписи было семьсот тысяч, а сейчас уже наверняка есть миллион. У нас же такие стройки! Со всех концов Родины к нам едут на наши стройки, потому что мы бросили вызов природе, чтобы ее покорить. И мы ее покорим, как бы ни злобствовали враги! У нас в городе есть и секретные предприятия. Их очень много, я их все знаю. Но об этом говорить пока еще рано. Не наступило еще такое время, чтобы говорить все, что есть. Да и наступит ли? Мне нравится гулять. Мне нравится смотреть на веселые и задумчивые лица моих современников, особенно молодежи. Я просто нежность испытываю, подкатывающую книзу живота, когда думаю: «А что думают они, наши люди, которых мы ведем вперед? Понимают ли, в какое сложное переходное время мы все живем, а завтра будем жить еще лучше?»

Мне нравится гулять, и вот, гуляя, я завернул по обыкновению в книжный магазин. Была теплая, так называемая «золотая» осень, конец обеденного перерыва. С деревьев начинали падать желтые листья, воздух по утрам окутывался голубой дымкой, и золотые солнечные лучи с трудом рассеивали ее. А книжных магазинов у нас в городе много, и все неплохие. Но только этот, называющийся «Прометей» в честь известного бога, который украл для людей огонь, – мой самый любимый. Не знаю, знают ли юные девушки-продавщицы, кто я такой? Думаю, что – нет. Скорей всего – нет. Да и какое им, в сущности, дело до начинающего лысеть дядьки с партийным билетом члена КПСС? Вот если бы я был киноактер или патлатый популярный певец с гитарой, вот тогда бы они меня знали. А так они меня скорей

всего не знают, тем более что я никогда не подъезжаю к магазину на машине, а все нужные книги мне вообще-то, откровенно говоря, доставляют на работу по списку. Но встречают всегда очень любезно. Улыбнутся, все объяснят, покажут, как будто я обыкновенный посетитель, а не кто-нибудь еще. Нет, все-таки славная у нас в СССР молодежь, что бы кто ни говорил. Бывают, конечно, срывы, бывают. Одни неопытно ведут себя в области половой морали, другие неправильно поняли подлинный смысл нашей братской помощи Чехословакии в 1968 году, слушают «Голос Америки», где-то достают журнал «Плейбой», читают Солженицына, писателя, прямо скажу, неплохого, судя по рассказу «Матренин двор», напечатанному в свое время в журнале «Новый мир», но идейно разложившегося, размежевавшегося с нами, скатившегося в стан врагов. Впрочем, все это – единичные явления, и по одному теленку нельзя судить обо всем стаде. Так что в целом я не смотрю на все эти проблемы столь мрачно, как смотрят некоторые из моих коллег, требующие ужесточения. Молодость есть молодость, и этим почти все сказано.

Молодость, молодость! Да ведь и моя не за горами! Помню – учился в Москве, холостой, как говорится, не женатый. Помню зачеты, экзамены, лекции любимых преподавателей, праздничные демонстрации, театр МХАТ, Красную площадь, украшенную знаменами, и знаменитую нашу студенческую песню «Бригантина поднимает паруса».

А как-то раз я и в историю угодил. Помню, был не то воскресник, не то субботник на Владыкинской овощебазе, где мы с парнями здорово назюзюкались перцовки да и заснули вповалку прямо на рабочем месте, на котором мы давили в высоких резиновых сапогах будущую квашеную капусту в высоких бетонных чанах со специфическим запахом, потому что попадались иногда и крысы. Назюзюкались, заснули, а тут – декан с секретарем парткома Гельманом. Стыдно, конечно, было тогда, ой, как стыдно! Пришлось отвечать перед товарищами на общем собрании. Для меня это каким-то чудом сошло, а Бориса Горчакова, например, и еще кого-то (я сейчас и не упомяну) исключили. Борис Горчаков спился. Ему отрезали в пьяной драке ногу, и он теперь ходит с костылем. Раньше времена были круче, хоть и не висели повсюду портреты Сталина. Не скажу, что это плохо – портрет Сталина, но не скажу и что – хорошо. Не знаю, не знаю... Но ведь откуда что бралось? И учились, и дружили, и жили, и пели, а мне вот, например, никто из дому не помогал. Мама и сама не очень-то получала, а отца я не помню. Он, настоящий коммунист ленинского призыва, пал жертвой необоснованных репрессий этого негодяя Берии, справедливо осужденного на XX и XXII партийных съездах, хоть и расстрелянного несколькими годами раньше. Да, не помню, когда точно... Мне никто не помогал, я сам всему выучился и сам стал человеком. Матушка моя теперь тоже умерла, но от простого инфаркта. Мать, Родина, книги...

– Здравствуй, Валечка, – сказал я продавщице, которую по случайному совпадению звали так же, как мою жену, но только я свою жену Валечкой никогда не называл, а называл Валюнчиком, так ей больше шло. – Здравствуйте... Ну, чем сегодня порадуете старика?

– Да какой же вы старик? – звонко, как колокольчик, расхохоталась Валечка. – Зачем раньше времени на себя возраст напускать?

– А разве я не старик? – легонько поддразнил я ее.

– Да, скажете тоже. Ста-а-а-рик, – задумчиво протянула Валечка, таинственным взглядом пройдясь по моей осанистой фигуре, отчего мне вдруг снова стало легко и почти уже приятно. А фигура у меня действительно осанистая, но вовсе не от жировых накоплений – ни-ни! А все потому, что я постоянно занимаюсь гантельной гимнастикой, развил силу мускулов, могу, короче, постоять за себя...

Может, она все-таки знает, кто я такой?

– Ничего нового хорошего нет, – докладывала Валечка. – Почти ничего. Приходил Сименон, две штуки, так они даже до прилавка не дошли, даже я сама себе не купила.

– Сименон? – рассеянно переспросил я.

– Сименон, – подтвердила Валечка и, загадочно улыбаясь, лизнув острым своим язычком припухшую нижнюю губку, добавила: – А остальное – смотрите. Все на прилавке. Вот. Все. Смотрите. Все смотрите. Вот, например, «Мать» Горького... Поступило подарочное издание. Не хотите?

Она улыбалась, и мне эта улыбка показалась обидной в идейном отношении, и я мягко, но решительно решил дать ей «местный» идеологический «бой».

– Что ж, это очень интересный роман, очень! – нарочито подчеркнул я и тоже добавил: – Но, к сожалению, Горький у меня уже весь есть. Полное собрание сочинений. И, между прочим, вы зря так это... посмеиваетесь... Ведь «Мать» – одна из вершин творчества Горького.

Валечка покраснела, смешалась, но не нашлась, что мне ответить на мою справедливую критику. Потому что...

– Все мать да мать, мать да мать, мать да мать, – раздался у меня за спиной дребезжащий гнилой голос.

И я повернулся, и я увидел картину, немного необыкновенную в наших советских условиях, картину, ставшую поводом для всего дальнейшего рассказываемого.

Вернее, не картину, а портрет. За моей спиной стоял человек, уже довольно пожилой, седой и лысый. В черном, на первый взгляд вполне приличном костюме и с бело-зеленым лицом тусклого оттенка.

– Я не смеюсь, почему вы так подумали? – запоздало запротестовала Валечка. – Я – просто. Как говорится, чем богаты, тем и рады.

– Мать да мать, мать да мать, мать да мать... Родина...

Я повернулся еще раз. Действительно, старичок. Действительно – костюм черный, но залоснившийся донельзя. Рубашка – бывшая белая, ныне – цвета портянки. И что уже совсем ни в какие ворота не лезло – старичок имел на себе два галстука. Один галстук, как галстук, а другой поверх него – галстук-бабочку. Во рту старичок держал изначально угасший окуроч толстой сигары, как на карикатурах карикатуриста Бор. Ефимова, разоблачающих империалистов и поджигателей войны. Правой рукой старичок обмахивался шляпой, а левую руку старичок держал чашечкой, как нищий, каковым он скорее всего и являлся.

– Валечка, это что еще за личность? – шепотом поинтересовался я.

– Ой, я прям и не знаю. Он – тот, как его... – Валечка глубоко задумалась и повторила: – Ну, тот... Как его? Наш, городской. Неужели вы его никогда не встречали?

– Да как-то не довелось. А что это значит, городской? «Что» – городской или «кто» – городской?

– Ой, да я не знаю! Он сумасшедший, что ли? Всякую ересь всегда болтает.

– Красавица ненаглядная! Маркитантка пышногрудая! Офенюшка сладенькая! Дозвольте пройти окунуться в ваш источник знаний и омыться его животворящими струями? – завыл в нос грязный старик все тем же голосом.

Я несколько посторонился, а точнее – старичок просто-напросто отпихнул меня.

– Чего вам опять нужно? – Валечка стерла с лица улыбку, обращаясь к нему, а не ко мне.

– Мне нужно? Сейчас я вам... что мне опять нужно? Мне много не нужно. Мне нужен минимум, только минимум. Минимум – мой девиз, – болтал старичок, размахивая руками, потому что шляпу он уже надел, и та шляпа, выяснилось, была у него с пером.

Таким образом он оказался впереди меня, и я наконец-то смог разглядеть его со спины. Узкоплечий, как горбатенький. А костюм-то! Это не костюм, а черт знает что! Пугало какое-то огородное! Но ведь советская страна – не огород!

– Мне нужно, любезнейшая, карбункул души моей, чтобы вы честно сказали мне, сколько стоит ваша «Мать».

– Какая еще моя мать?

– Ваша книга Горького «Мать».

– Тридцать пять копеек.

– Ой-е-ей, какие бешеные цены, – снова закривлялся старичок. – Ой-е-ей! Куда только смотрЮт партия и правительство!

При этих словах я насторожился, а он все не уходил. Он стоял и мешал настоящим любителям книги, а также нам с Валечкой.

– Не мешайте работать, – сказала Валечка, строго хмуря свои черные бровки.

– Слушаюсь и повинуюсь, – согласился старичок и отодвинулся от прилавка, позвякивая монетками, перекладывая их из левой руки в правую – медные монетки: двушечки, копеечки, пятачки, перекладывал и позвякивал, перекладывал и перекладывал, позвякивая, шаркая подошвами, с шуточками и прибауточками направляясь в кассу, а затем подойдя к Валечке и заявив: – Прошу вас, барышня, цветок юности благоуханной, прошу выдать мне для личных нужд такой эталон кладези премудрости под простым названием «Мать» за наличный расчет трудовых сбережений.

– А, отстаньте вы, – отмахнулась Валечка от него, как от назойливой мухи, но все же, повинувшись своим обязанностям продавца, отпустила ему востребованный товар, а мне, погрузившись, сказала на прощанье: – Заходите теперь на следующей неделе. Может, что-нибудь и будет.

– Будет вечная музыка революции, – снова влез старичок, не изменив своего гнилого голоса.

Я строго посмотрел на него, вовремя сообразив, что это – контаминация текста популярной песни («Будет вечная музыка») и общественно-политических идей революционного периода деятельности Александра Блока, автора замечательной энергической поэмы «Двенадцать» («Слушайте музыку революции»). А он тем временем давно направился к выходу.

Вышел и я. На улице старичок по-прежнему вел себя крайне непотребно – кривлялся, приставал к прохожим, но те не обижались, потому что народ у нас зачастую еще очень пассивный, и старичка не обижали, хотя он вел себя развязно, говорил глупости, пошлости, сальности.

– Ступай, деда, ступай! Выпил, так ступай до хаты, – добродушно говорили они, эти добрые, в сущности, люди, самые добрые люди на земле.

– Да не выпил я. Я вкусил, – убеждал их «деда».

И двигался, двигался, шаркающий, а я – за ним. Не знаю даже и зачем. Нападет и на меня, знаете ли, вдруг какое-то эдакое мальчишество, что ли? Мальчишеское любопытство, мальчишеская злость, желание еще что-нибудь прибавить к своей сумме знаний о жизни и получить от нее удовольствие. Хотя зачем?

Мы двигались. Старичок уводил меня в сторону от центральных улиц. Прохожие почти не попадались нам, потому что люди после напряженного рабочего дня имеют привычку отдыхать дома. Прохожих не было, кроме нас, и я таился, уменьшал шум шагов. Мальчишество? Конечно, мальчишество.

Но старичок, очевидно, был еще и глуховатый старичок, который ничего не слышит. Оставшись один, он кривляться практически перестал, бормотал, правда, нечто все еще под нос и – шаркал, шаркал, шаркал подошвами невыносимо.

Мы спустились с крутого берега прямо к кромке воды нашей великой сибирской реки Е., впадающей в Ледовитый океан.

Осень. Пустынен и печален одинокий осенний берег великой сибирской реки Е. Мирно течет она прямо в Ледовитый океан. Блики солнца на осенней воде... Мост неподалеку громыкает красными трамваями, прекрасный, новый арочный мост, соединивший левую и правую части нашего славного города. Славно! Низко плыли судовые гудки. Осенняя река Е., впадающая в Ледовитый океан, сколько поэзии, сколько потаенной радости в тебе!

А старичок сел на чью-то перевернутую дюралюминиевую лодку и, покопавшись в штанах, выудил оттуда два огрызка – огрызок пирога и огрызок карандаша.

Карандаш он отложил в сторону, ближе к купленной книге, а пирог немедленно съел. Я стоял за его спиной, как возмездие. Мне становилось жарко.

Он же долго смотрел на вялотекущую воду, долго-долго смотрел и лишь потом тихонько пукнул.

После чего взял в руки книгу и карандаш.

– Здравствуй, Алексей Максимович! Здравствуй, волк позорный! – сказал он.

Шурша страницами, полистал книгу, в одном месте остановился, вчитался, улыбнулся, очевидно все же покоренный недюжинным талантом писателя.

– Ай да Горький, ай да сукин сын, – сказал он, как Пушкин говорил про себя, о чем я читал в книге.

Закрыв приобретенную книгу и, наслюнявив карандаш, который оказался химическим, приписал к слову «Мать» на обложке еще одно слово. Точнее – прилагательное. Еще точнее – крайне неприличное прилагательное.

– Как вам не стыдно! – возмутился я.

Старичок не вздрогнул, не обернулся. Он туманно смотрел в даль. Смотрел, смотрел, а потом закрыл лицо грязными ладошками.

– Вы что же это себе позволяете? Пожилой ведь уже практически человек! – не на шутку рассердился я. – Я спрашиваю – вам не стыдно?

– Мне стыдно, – глухо закрипел старичок из-под ладошек, из-под шляпы. – Мне стыдно, но я тут ни при чем. Я тут ни при чем. И ничего не могу с собой поделать.

– Хорошо, что хоть стыдно. Вы же, по-видимому, интеллигентный человек? – не отставал я.

– Бывший интеллигентный человек, то есть – БИЧ, – уточнил старичок, раскрывая лицо и поворачиваясь ко мне.

Раскрыл лицо, повернулся и взмолился:

– О, не судите так строго, гражданин! Я виноват, я знаю. Но я, я – одновременно и жертва. Позвольте мне все вам рассказать.

И он рассказал мне следующее:

– ...золотилось великолепное солнце, лазурилось море, пели итальянцы, гражданин. Да, да, итальянцы, гражданин, потому что дело было в Италии, на острове Капри у действительно самого упомянутого Алексея Максимовича Горького. Он тогда, кстати, уже заканчивал свой курс лечения от туберкулеза и много размышлял – возвратиться ли ему уже домой, на Родину, куда его позвал товарищ Сталин, или еще немножко подлечиться, чтобы сразу не помереть.

И мы все пришли к нему в гости – я, Коля, Вася, Петя, Абраша, Леня, Павлик, Тусенька. Мы все пришли к нему в гости и сидели у него в комнате. Золотилось великолепное солнце, и мы все сидели у него в комнате, гражданин. Беседовали, а о чем – неважно, гражданин. Я и забыл, а если бы даже и помнил, то все равно бы вам не сказал, гражданин, ведь есть вещи, которые навсегда остаются лишь между теми, кого они непосредственно касаются. Алексей Максимович в этот день кашлял меньше обычного, пили чай, кофе, итальянское вино «Кьянти», коньяк. Золотилось великолепное солнце, а я смотрел на белую скатерть с синей бахромой, крутил бахрому и внезапно вдруг почувствовал, что я вдруг знаю, что я не буду НИКТО, вернее, что буду НИКТО, что меня, возможно, даже и посадят. О, я знал, ЗНАЛ, потому-то я и стал НИКТО. Кто был ничем, тот стал НИКТО. Золотилось великолепное солнце.

– Пройдемте, друзья, на веранду, – сказал Алексей Максимович, сильно окая, как лягушка, и разглаживая рукой свои усы, как у моржа, – пройдемте, Коля, Вася, Петя, Абраша, Леня, Павлик, Тусенька.

И всех-всех позвал, а меня – нет. Меня он не назвал. То есть я, скорее всего, тоже мог бы идти на веранду, потому что он меня не назвал потому, что не назвал просто – не для обиды, а по рассеянности великого гения. Но тут я пропал. Меня тут обуяла гордыня. Меня он не назвал, а всех назвал.

– Ах так! – сказал я про себя и тихо ушел, грязно, но про себя ругаясь. В тот же вечер я сел на пароход и уехал, показав напоследок красивому итальянскому острову красный русский шиш. Наш корабль держал курс к берегам родного Советского Союза, и ветер бил в тугие паруса.

Тут старичок внезапно замолчал. Он вынул из кармана еще один огрызок пирога и тоже стал его кушать.

– Ну и что? Что дальше? Ведь вы, по-видимому, все врете? – сказал я, с отвращением глядя на старичка.

– Нет, не вру. Зачем мне это? А дальше? Дальше, опуская подробности, я на все имеющиеся у меня накопления всю жизнь скупаю эту книгу «Мать»! А почему именно эту книгу – я не знаю, – опечалился старичок. – Ведь у Алексея Максимовича имеется множество других неординарных сочинений.

– Врете вы, не могло быть вас на Капри. И что это за Коли, Васи, Пети и Абраши? Нет таких людей, я изучал творчество Горького.

Старичок не слушал.

– Покупаю и покупаю. Пишу на обложке нехорошее слово, как будто бы мы с А.М. соавторы. А потом... потом я делаю вот что.

И он сделал то, чего я от неожиданности не успел пресечь. Широко размахнувшись, он забросил книгу далеко в воды реки Е. И книга поплыла вниз по реке Е. к Ледовитому океану. Она плыла, плыла, а потом пошла на дно.

– На последние деньги... На все деньги... И я тратил, трачу и буду тратить все свое подчистую, ибо слава Алексея Максимовича растет не по дням, а по часам и минутам. Книги его издаются у нас миллионными тиражами, и мне не выдержать такой конкуренции. Ах, мне не выдержать, не выдержать!

И он заломил руки, как какой-нибудь трагический тенор эпохи, но тут уж не он, а я не выдержал.

– Да вы – негодяй! Вас в тюрьму надо! – взорвался я.

– Побывал, побывал... – Негодяй вновь превратился в шута. – Везде побывал: в Лондоне был, в Хельсинки был, в Париже был, Мюнхене, Ницце. В Красноярске, Магадане, Норильске, Решетах и Нижнем Ингаше Красноярского края тоже был.

– В сумасшедший дом бы вас!

– Дом родной, – отозвался соавтор Горького.

Мне все это надоело. Мне стало окончательно жарко. Что-то забирающее меня целиком, всего, все подступало и подступало ко мне, требуя освобождения. Это не укладывалось и не лезло ни в какие ворота. Если он сумасшедший, то кто разрешил пускать его по городу? С какой целью? А если он не сумасшедший, а просто – себе на уме, тогда кто он? И зачем, мерзавец, болтает и делает ВСЕ ЭТО?

Я задал вопрос:

– И все же кто вы, собственно, такой?

– Я? Со мной все ясно. Я тебе уже сказал, я – БИЧ. А вот ТЫ КТО ТАКОЙ?

Я опешил. «Кто я такой?» Не знать меня. «Кто я такой?» А кто я такой? И все подступало, и подступало. Мне стало страшно.

Старичок в упор глядел на меня. Я поднял с земли острый тяжелый камень. Старичок в упор глядел на меня. Я опустил камень на землю. Старичок в упор глядел на меня. Тут-то все и кончилось. Меня била крупная дрожь. Золотилось великолепное солнце...

Ответ из 1992

Книги больше не нужны: коммунистическая тирания миновала, «демократия» – тоже, и я теперь владелец солидного бизнеса в обновленной России. Как говорится, чем могу – помогаю становлению нового общественного строя, пока еще не имеющего названия. Много езжу, но живу все-таки в Москве, привык. Автоматизированный обмен платежными документами через телеграфный или телефонный каналы связи позволяет мне управлять расчетным счетом со своего рабочего места. Совместно с акционерным обществом «Геркулес» мы реализуем по ценам на 10 процентов ниже рыночных бензин всех марок, авиационный керосин, дизельное топливо, масла, мазут, битум.

Не чужды мы и реализации факсов с автоответчиками, копировальных аппаратов, крановых электродвигателей, телевизоров, видеоманитов, видеокамер, лазерных дальнометров, пластин режущих сменных пятигранных и шестигранных безвольфрамово-твердосплавных (с отверстием), термобумаги для факс-аппаратов (Япония), производим и продаем доску паркетную трехслойную лакированную с лицевым покрытием из древесины дуба, паркет щитовой художественный трехслойный красного дерева, мореного дуба, предлагаем спирт питьевой высокой очистки (франко-склад в Санкт-Петербурге), заключаем договоры на поставку алюминия, никеля, золы печной, железобетонных каркасов, металлоконструкций, реализуем самовывозом каменный уголь марки «ГР», экскаваторы на гусеничном ходу «Драглайн», трактора, автовышки, автокраны, жевательную резинку, комплект оборудования для секс-шопов, партии одежды «Second hand» группы «А» from USA, принимаем в ремонт легковые автопокрышки, выполняем ремонт вычислительной техники, аудиовидеоаппаратуры зарубежного производства, заправку картриджей, осуществляем фьючерсные сделки, ведем конкурсный набор страховых агентов и топ-моделей, печатаем красивые романы, взялись за реконструкцию нескольких девятиэтажных домов (180 квартир), и первые этажи (45 квартир) скоро станут нашей собственностью, строим рыбоводный завод для получения экологически чистой рыбы – карп, форель, осетр, семга (максимальная прибыль \$ 200000 ежегодно), а также приглашаем в путешествия по стране и за рубеж. Выберите маршрут – и в путь! Калининград – Польша на 7 дней. Цена путевки 2000152 рубля плюс 1 доллар США, Москва – Болгария – Стамбул на 7 дней. Цена 1892100 рублей плюс 119 долларов США. Китай (через Владивосток) на 5 дней. Цена 3240000 плюс 40 долларов США. А также и в самую, собственно, цитадель доллара, в США, куда уже давно свалила моя старая сука и развратная дрянь ВАЛЮНЧИК-лесбиянчик вместе с этой неблагодарной тварью, обобравшей меня до нитки, то есть моей ДОЧУЛЕЙ, предавшей меня... В США, куда уже уехали все, фигурально выражаясь – и Коля, и Вася, и Петя, и Абраша, и Тусенька, конечно, и Борис Горчаков с отрезанной ногой; куда и мы с моей милой ВАЛЕЧКОЙ (тоже, понятно, хищница, но зато так меня вдохновляет, так вдохновляет!) непременно скорей всего тоже будем вынуждены уехать, чтоб вечно (хе-хе-хе) ЗОЛОТИЛОСЬ ВЕЛИКОЛЕПНОЕ СОЛНЦЕ... Солнышко мое золотоволосое, сахарное. Цыпленочек...

Потому что – чую, чую, чую (и это вполне серьезно) – черные силы скоро загубят если и не всю Родину-мать, то уж лично меня – это точно. Мать, мать, матушка моя!.. Родина! Видишь, как все обернулось? Я уеду, и ты окончательно окажешься, поруганная ты моя, в руках оставшихся дураков, бандитов и эротической молодежи. Уеду я к херам, хотя никаких стариков я, естественно, не убивал нигде и никогда. Психолог и сексапатолог объяснили мне

все, что со мной тогда происходило. Я никого не убивал, а я просто ВЕРИЛ, как и все мы. Но я никого не убивал. Я кончил...

Комментарий писателя Гдова. 2015 год

Да, друзья! Пускай все случившееся послужит для вас хорошим жизненным уроком, когда вы видите по телевизору этого моего персонажа, седого и загорелого, в окружении лучших людей обновленной России, таких как А., Б., В., Г., Д. и Х. «Хорошо, что в нашей стране наконец-то закончилось смутное время анархии и разброда, – недавно сказал он по телевизору, – и мы, элита страны, все теперь снова смело смотрим в будущее, особенно я, который, не считите это за предвыборную агитацию, проделал такой тяжелый вышеописанный нравственный путь, что-то конечно же растеряв на этой дороге, но еще больше приобретя. А что касается слухов о моих дворцах и шубохранилищах, моем «немыслимом» якобы состоянии, большая часть которого, кстати, тратится на поддержку отечественного производителя и благотворительность, то они явно преувеличены, если не сказать больше. Я действительно простой дядька-хозяйственник, и мне действительно нечего стыдиться, как и всем нам, тем, кто действительно любит книги, мать, Родину. И еще раз подчеркиваю – это не предвыборная агитация, эти глаза не солгут...»

Данилов монастырь

Это было в апреле 1985 года...

Московская железная дорога. Савеловское направление. Если вас кто обидит в Москве, не печатают художественных произведений, отовсюду исключат или вызовут в КГБ, наберите в легкие достаточно воздуха и смело ныряйте в накрывающую вас с головой тоталитарную весну. Очнетесь вы в зеленой электричке уже где-нибудь за Лианозовым, держа в руках початую бутылку «пепси-колы». Внезапно отпустит, и вы беспомощно заулыбаетесь, глядя в окошко. Прыгающая зелень, кукольные фигуры, застывшие близ железнодорожного полотна, гулаговский канал Москва – Волга, парус, одиноко белеющий в бухте Радости Клязьминского водохранилища, – все это под стук железных колес подчеркнет и закрепит вашу аутсайдерскую грусть, столь несозвучную светлой эпохе безвозвратного строительства коммунизма, но такую необходимую, чтобы не запить, не потерять рассудок, не оказаться в концлагере или психиатрической больнице имени Кащенко, Сербского. Плывите, и обрящется ищущему!

То пройдет испитая дама в дубленке. Она собирает милостыню. Ведь у нее взорвался от газа дом, где погибли муж – офицер вооруженных сил, двое детей, свекор и свекровка. «Помогите кто чем может, советские люди!» И помогут, я сам пятак дам, наученный с детства тетей Ирой, которая утверждала: христарадничающий всегда прав, ему еще хуже, чем тебе, даже если он врет как сивый мерин... Студенты квакают на языке рептилий. «Заколебал», «цвету и пахну», «герла с флэтом», «тяжелый конвой» – скверно знаю нынешний молодежный сленг. Умный какой-нибудь мужчина, как стукач прежних лет, вдруг разговорит присутствующих на острополитические и злободневно социальные темы, и окружающие вздыхают: да, все это голима правда, но ведь все-таки, товарищи, живем, и неплохо, кстати, живем, чего уж там Бога гневить: спички, соль, мыло, колбаска есть, войны нету, нужно и это понимать, товарищи... Ребяшня гоняет кассетные магнитофоны, и новый американец Вилли Токарев брутально ухает, подражая покойному лауреату Владимиру Высоцкому, рычит среди взлетов и падений Клино-Дмитровской гряды: «Зачем скупая жизнь нужна, ведь завтра может быть война». А Высоцкий лежит себе на Ваганьковском кладбище, и зачем ему это лауреатство?... Читают книги, газеты, журналы «Памир» и «Плейбой», Марселя Пруста на английском языке, «Архипелаг ГУЛАГ», тс-с-с... Пока еще крадче читают... Влюбленные влюбляются, супруги мирятся и ссорятся, дети балуются, задавая невозможные вопросы, старички, старушки кряхтя тащат колесные сумки с московской говядиной...

ЭТО БЫЛО В АПРЕЛЕ 1985 ГОДА, КОГДА ВОВСЮ БУШЕВАЛА АФГАНСКАЯ ВОЙНА, РАЗВАЛИВАЛОСЬ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ВЕЗДЕ ПРОЦВЕТАЛИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО, КОРРУПЦИЯ, АЛКОГОЛИЗМ, ПОВСЕМЕСТНО НАРУШАЛИСЬ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, ГОТОВИЛСЯ ВЗЛЕТЕТЬ НА ВОЗДУХ ЧЕТВЕРТЫЙ БЛОК ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АТОМНОЙ СТАНЦИИ...

А я, писатель Гдов, ехал в Москву из древнего города Дмитрова, что расположен на упомянутом канале, думал о высоком, как учил мой друг Владимир Кормер (см. ВИКИПЕДИЮ), и вдруг вижу, что передо мной сидит в аномально опустевшей электричке некий человек, изредка и тревожно вздрагивающий, шепчущий. Представьте себе крепко вылепленное лицо с чуть скошенным влево подбородком, цепкий взгляд умных, серых, выпуклых глаз, широкие плечи потомственного пролетария в советской джинсовой куртке, пuzцо,

заметно выпирающее из-под пестрой рубахи, и это будет он – Третий Данилов, как вдруг поспешил представиться мне этот бывший, да, подчеркнул он, – бывший таксист.

А как раз проезжали Лобню, и Третий Данилов обратил мое внимание на недостроенный двухэтажный деревянный дом с балюстрадой и сплошным балконом, дом очень красивый, но без крыши и оконных рам.

– Этот дом строит здесь один старый идиот лет уже десять, а то и пятнадцать, потому что я ушел в армию, живой вернулся из нее, да и в таксопарке, почитай, оттрубил уже целых полторы семилетки, не меньше...

Я еще раз посмотрел в окно, но дом уже исчез.

– Не люблю идиотов, – обронил Данилов, – что старых, что молодых. От них вся зараза. От несовершенства ума, наглости и беспредельных желаний. Ты согласен со мной?

– Я политикой не занимаюсь, – ответил я. – То есть я читаю про политику в газетах, но с тобой ничего такого обсуждать не желаю. И не оттого, что боюсь, в гробу я видал бояться, а просто не хочу, и баста!

– А этот идиот, выйдя на пенсию, сказал, что построит дом, который будет ЛУЧШЕ всех домов на Савеловском направлении Московской железной дороги. Сам рассуди, при пенсии пусть даже в сто двадцать рублей может у него быть самый лучший дом на Савеловском направлении Московской железной дороги, если не воровать? Но он ведь и не ворует, проверяли, он строит столько лет, а сам живет в сараюшке, старый паразит!.. И-эх! Люди говорят, он, как Кащей, боится – достроит дом и тут же помрет...

ЭТО БЫЛО В АПРЕЛЕ 1985 ГОДА, КОГДА ВОВСЮ БУШЕВАЛА АФГАНСКАЯ ВОЙНА, РАЗВАЛИВАЛОСЬ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ВЕЗДЕ ПРОЦВЕТАЛИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО, КОРРУПЦИЯ, АЛКОГОЛИЗМ, ПОВСЕМЕСТНО НАРУШАЛИСЬ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, ГОТОВИЛСЯ ВЗЛЕТЕТЬ НА ВОЗДУХ ЧЕТВЕРТЫЙ БЛОК ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АТОМНОЙ СТАНЦИИ, И ВСЯ МНОГОСТРАДАЛЬНАЯ СОВЕТСКАЯ СТРАНА С НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДАЛА ИСТОРИЧЕСКОГО ПЛЕНУМА ЦК КПСС...

– Я про это видел по телевизору, – сказал я. – Называется «Александр Вампилов. Прошлым летом в Чулимске». Там один хрен купеческий строил тоже дом, но чего-то испугался, а потом пришла Октябрьская революция. А уже в наши дни там поселялись разнообразные негодяи. То есть они, конечно, хорошие были люди, наши, но только все время пьяные. Следовательно, например, всю дорогу с «пушкой» ходил, а потом взял да застрелился.

Данилов задумался.

– Видел, знаю, – наконец отозвался он. – Но у меня всего десять классов и автошкола. Трудно было аналитически связать два этих несомненных факта. Может, и тот старый идиот такую картину видел?

– Не думаю, – возразил я. – Он, по твоим словам, раньше задумал строить, чем Вампилов в Байкале утонул. Вампилов погиб. В Байкале знаешь какая вода холодная?

– Думай не думай, а у нас все может быть. А вдруг они *знали* друг друга? Вот мы же с тобой встретились и разговариваем. Все может быть... – Данилов засопел и потупился. – Вот ты, к примеру, можешь представить, чтобы я, тихо сидящий перед тобой, оказался зверем? А я, представь, являлся таковым, отчего и вынужден теперь ехать в Даниловский монастырь.

– Не Даниловский, а Данилов, – тут же поправил я его, но он, явно не слыша моих слов, вдруг жарко зашептал, придвинувшись ко мне вплотную, отчего явно повеяло на меня одеколоном, щами, бензином, табаком, другими продуктами чужой жизнедеятельности.

– А что мне, спрашивается, оставалось делать, когда я ехал после смены на первой электричке 4.32 и в изнеможении лег на лавку спать, положив под голову ондатровую шапку? Только задремал, но меня будят за ногу, и старый хрыч, пенсионер очкастый, наклонился

надо мной, как контролер, и говорит: «Молодой человек, спать в электричке, развалившись на сиденье, как свинья, строгойше запрещается».

«Чего надо, у меня сезонка», – леплю я спросонок, а он меня все тянет и тянет за ногу. Сразу предупреждаю, что это был уже ДРУГОЙ старик, НЕ ТОТ, что в Лобне дом строит...

ЭТО БЫЛО В АПРЕЛЕ 1985 ГОДА, КОГДА ВОВСЮ БУШЕВАЛА АФГАНСКАЯ ВОЙНА, РАЗВАЛИВАЛОСЬ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ВЕЗДЕ ПРОЦВЕТАЛИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО, КОРРУПЦИЯ, АЛКОГОЛИЗМ, ПОВСЕМЕСТНО НАРУШАЛИСЬ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, ГОТОВИЛСЯ ВЗЛЕТЕТЬ НА ВОЗДУХ ЧЕТВЕРТЫЙ БЛОК ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АТОМНОЙ СТАНЦИИ, И ВСЯ МНОГОСТРАДАЛЬНАЯ СОВЕТСКАЯ СТРАНА С НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДАЛА ИСТОРИЧЕСКОГО ПЛЕНУМА ЦК КПСС.

ВОТ И НАСТАЛ ЭТОТ ДЕНЬ!..

– Ну! – удивился я.

– Вот тебе и «ну», – уныло отозвался собеседник. – Я ему говорю: «Отвали, отец, видишь, весь поезд пустой, дай отдохнуть пролетариату». А он: «Я сам в молодости был пролетариат и всю жизнь на посту боролся с разгильдяйством и разными, кто рабочую честь продает за копейку. Встань немедленно, сукин сын!» – «Да зачем же, – я говорю. – Ведь я никому не мешаю». – «Нет, мешаешь, *мне* ты мешаешь, – отвечает старый подлец. – Я, может, имею право сидеть именно на **этом** месте, а ты тут развалился, как свинья...» – «Отец дорогой, – умоляю я его. – Отвали с глаз от греха подальше, ведь я тебя убью...» – «Многие хотели меня убить, да где они все нынче...» И, представь себе, садится прямо на мои ноги, утверждая, что хочет сидеть именно на моих ногах, именно на том самом месте, которое уже занимают мои ноги...

– А ты что?

– Я... Я его сбросил, шапку забрал и ушел в другой вагон. Снова лег, снова задремал, сон хороший стал мне сниться, как я куда-то еду, а этот пидор, ты уж извини, друг, вырвалось ненароком, опять на моих ногах сидит и шипит мне, наклонившись: «Я предупреждал! Я тебя предупреждал...» И-эх! Все во мне помутилось, натянул я кожаные перчатки и принялся буцкать старого хрена со всех своих последних сил. Нет смысла скрывать, морду я ему расквасил, зуб вышиб, но по печенке и под дых не бил, чтоб не загнулся. Короче, нет смысла скрывать, в котлету я папашу превратил... Ногой под ребра добавил, перчатки выкинул и перешел через три вагона, лежу, жду, что дальше будет...

– А дальше?

– А дальше, конечно, милиция. Старик их ведет и завывает, плача: «Я кровь проливал, а он меня убил». Я милиции говорю, что вижу его в первый раз, что он чокнутый, его вся Савеловская дорога знает, а менты мне: «Руки! Руки показать!..» А руки-то у меня чистые. Старик «ой-ти-ти» кричит, я возмущаюсь, что сами по Москве баранку покрутите двенадцать часов, что я не ударял, а, наоборот, – ударник производства... Старик визжит, бросается, милиция его держит... Бардак, короче, еле отмазался... В Лобне ссадили, но тут же отпустили, на следующей электричке ехал... Вот какие бывают случаи, вот какие бывают идиоты...

ЭТО БЫЛО В АПРЕЛЕ 1985 ГОДА, КОГДА ВОВСЮ БУШЕВАЛА АФГАНСКАЯ ВОЙНА, РАЗВАЛИВАЛОСЬ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ВЕЗДЕ ПРОЦВЕТАЛИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО, КОРРУПЦИЯ, АЛКОГОЛИЗМ, ПОВСЕМЕСТНО НАРУШАЛИСЬ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, ГОТОВИЛСЯ ВЗЛЕТЕТЬ НА ВОЗДУХ ЧЕТВЕРТЫЙ БЛОК ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АТОМНОЙ СТАНЦИИ, И ВСЯ МНОГОСТРАДАЛЬНАЯ СОВЕТСКАЯ СТРАНА С НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДАЛА ИСТОРИЧЕСКОГО ПЛЕНУМА ЦК КПСС.

ВОТ И НАСТАЛ ЭТОТ ДЕНЬ! В КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ СЪЕЗДОВ СОБРАЛОСЬ МНОГО КОММУНИСТОВ...

– Да, тут ты, пожалуй, прав, – сказал я. – Кто не сидел, тот сажал, а кто сажал, тот тоже сидел. У одного моего товарища был старый отец. Он в молодости разгонял собрание троцкистов в Бауманском районе и всегда рассказывал об этом очень интересно. Сначала они троцкистам обрезали свет, но враги были к этому готовы и зажгли заранее припасенные свечи. Тут молодежь не выдержала и показала отщепенцам кузькину мать, тоже многие зубов недосчитались... А выйдя на пенсию, старый отец моего товарища тоже сидел однажды на скамейке Страстного бульвара и сделал замечание хулигану-стиляге, который, нагло развалившись, куря и поплеывая, слушал по магнитофону не Вилли какого-нибудь и не Розенбаума, а самого Высоцкого, который тогда был еще тоже живой и совсем не лауреат. Текст песен и голос из магнитофона тоже очень не понравились пенсионеру, и он сделал наглецу замечание, что нельзя так себя вести в общественном месте, что он призывает его к порядку. Хулиган в ответ послал его на три крайние российские буквы, отчего кровь у ветерана вскипела и он бросился на подонка с криком тоже: «Милиция! Милиция!» Стиляга дрогнул и побежал по направлению к Петровке, 38, но старик не отставал. Он подобрал палку, и когда разгильдяй попытался перепрыгнуть через чугунную ограду Московского комитета народного контроля, ударил его этой палкой по голове. Очнулся он уже в больнице, когда над ним склонился следователь в мундире, поверх которого был накинут белый халат. «Когда будем судить хулигана?» – это было первое, о чем слабым шепотом спросил старик. «Вас самого можно судить, палка-то оказалась с гвоздем, и вы сильно поранили гражданина, – ответил следователь. – Однако, учитывая ваш преклонный возраст, заслуги перед советской властью и то, что потерпевший вас вполне простил, мы дело закрываем, но делаем вам предупреждение о недопустимости подобных самочинных действий. У нас в стране существует закон, и все граждане обязаны его соблюдать».

– Эге! Да это уж не мой ли был старик? – воскликнул Третий Данилов.

– Нет, – успокоил я его. – Точно не твой. Он уже тоже умер, и его похоронили на Ваганьковском кладбище недалеко от Высоцкого. Но Высоцкому памятник поставили, а у этого ничего на могиле нету. Сын запил, актер, из театра выгнали, сейчас наследство пропивает, некогда ему...

ЭТО БЫЛО В АПРЕЛЕ 1985 ГОДА, КОГДА ВОВСЮ БУШЕВАЛА АФГАНСКАЯ ВОЙНА, РАЗВАЛИВАЛОСЬ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ВЕЗДЕ ПРОЦВЕТАЛИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО, КОРРУПЦИЯ, АЛКОГОЛИЗМ, ПОВСЕМЕСТНО НАРУШАЛИСЬ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, ГОТОВИЛСЯ ВЗЛЕТЕТЬ НА ВОЗДУХ ЧЕТВЕРТЫЙ БЛОК ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АТОМНОЙ СТАНЦИИ, И ВСЯ МНОГОСТРАДАЛЬНАЯ СОВЕТСКАЯ СТРАНА С НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДАЛА ИСТОРИЧЕСКОГО ПЛЕНУМА ЦК КПСС.

ВОТ И НАСТАЛ ЭТОТ ДЕНЬ! В КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ СЪЕЗДОВ СОБРАЛОСЬ МНОГО КОММУНИСТОВ. НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ КАШЛЯЛИ, ЧИХАЛИ, НО ПОТОМ ВДРУГ ВОЦАРИЛАСЬ МЕРТВАЯ ТИШИНА...

– Так ведь и мой помер! Мне потом сказали, что он вскорости помер, но не от побоев помер, а просто так – пришло время, и он помер. Не вечно же ему жить?

– погоди секунду, как так помер? Разве тот старик, который строит в Лобне дом, чтоб не помереть, и тот старик, которому ты набил морду, разве это не один и тот же старик?

– Какая разница – один старик, другой, третий, когда приходит смерть, и нету больше ничего, хоть и кто партийный из КПСС. Я уж мучился, мучился, ну что же это в самом деле – как зверь, убил я старика, хотя я его фактически не убивал, он сам помер и сам во всем

виноват. Я мучился, я раз пошел к церкви, там в Лобне церковь есть около озера, и мне тот старик, что строит дом, сказал: «Ты выпил, так поди проспись, а проспешься – ступай в монастырь». То есть это не он сказал, а нищий там сидел на ступеньках. Он сказал: «Имущество свое раздай, а сам ступай в монастырь».

– Да какой еще такой нищий? Еще, что ли, один старик? И где же это? В какой такой монастырь? – заволновался я.

– Обыкновенный нищий. Он сидел на ступеньках. А монастырь – Даниловский. Говорят, в Москве скоро откроют Даниловский мужской монастырь, и я туда сейчас еду договариваться. Я сначала думаю, что буду разнорабочим на реставрации, о чем писали в газете, приглашая добровольцев работать бесплатно на объекте памятника старины, а потом вступлю в монастырь и буду молиться, молиться, молиться...

ЭТО БЫЛО В АПРЕЛЕ 1985 ГОДА, КОГДА ВОВСЮ БУШЕВАЛА АФГАНСКАЯ ВОЙНА, РАЗВАЛИВАЛОСЬ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ВЕЗДЕ ПРОЦВЕТАЛИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО, КОРРУПЦИЯ, АЛКОГОЛИЗМ, ПОВСЕМЕСТНО НАРУШАЛИСЬ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, ГОТОВИЛСЯ ВЗЛЕТЕТЬ НА ВОЗДУХ ЧЕТВЕРТЫЙ БЛОК ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АТОМНОЙ СТАНЦИИ, И ВСЯ МНОГОСТРАДАТЕЛЬНАЯ СОВЕТСКАЯ СТРАНА С НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДАЛА ИСТОРИЧЕСКОГО ПЛЕНУМА ЦК КПСС.

ВОТ И НАСТАЛ ЭТОТ ДЕНЬ! В КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ СЪЕЗДОВ СОБРАЛОСЬ МНОГО КОММУНИСТОВ. НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ КАШЛЯЛИ, ЧИХАЛИ, НО ПОТОМ ВДРУГ ВОЦАРИЛАСЬ МЕРТВАЯ ТИШИНА.

ЭТО ВЫШЕЛ НА ТРИБУНУ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС М.С. ГОРБАЧЕВ. ОН НЕМНОГО ПОСТОЯЛ В ГЛУБОКОЙ ЗАДУМЧИВОСТИ...

Я рассердился.

– Во-первых, я уже говорил, не Даниловский, а – Данилов. Данилов монастырь, или, если тебе угодно, Даниилов, потому что он основан в 1282 году князем Даниилом Александровичем. Напомню, что монастырь этот играл важнейшую роль в обороне Москвы, особенно в XVI веке, когда монахи отражали набеги крымского хана Казы-Гирея. Историческая наука гласит также, что в начале XVII века близ монастыря происходило сражение войск Болотникова и Шуйского. Не знаю, известно ли тебе, что в тридцатые годы нашего уже века там был детприемник для репрессированных детей репрессированных. У одной моей знакомой там папаша содержался, и он говорил, что запомнил такое содержание на всю жизнь. Там кровищи за семь веков пролилось – не дай боже. А эта моя знакомая тогда подала заявление ехать в Израиль, но уехали они все вместе в Америку. Папашу тоже с собой взяли, он там сейчас пенсию получает, научился играть на флейте в городе Мидлтаун, штат Коннектикут.

– Это я – Данилов, а монастырь – Даниловский, ученая ты вошь! – гневно выдохнул будущий монах. – И я пойду туда, и я там буду молиться, работать буду во благо строительства и открытия. А ты ехай тоже в Израиль, или куда вы там все едете?

– Но ведь я – русский, куда мне ехать? – заметался я. – Это... это моя страна, и Солженицын правильно говорил, что пускай лучше едут те, которые ее обосрали и изнахрачили. Я... я тоже хочу «во благо», но я-то ведь пока никого еще не убил?

– А если убил, то пошел бы в монастырь? – придвинулся ко мне Данилов.

– Да его, может, и не откроют. Это, может, все слухи, что к тысячелетию христианства на Руси там откроют мужской монастырь. Как же, жди, откроют они тебе, жди морковкина заговенья... – защищался я.

– Слухи, слухи, все слухи вам, слухи. Жить-то когда будете? Душу думаете спасать или надеетесь, что так прохляет? – тяжело задышал Данилов.

– Да ты и молиться-то, поди, не умеешь. Ты хоть знаешь, чем православный отличается от католика?

– Какая разница! – взревел Данилов. – Какая р-разница! – ревел он.

– А ну прими руки! – вскричал и я.

ЭТО БЫЛО В АПРЕЛЕ 1985 ГОДА, КОГДА ВОВСЮ БУШЕВАЛА АФГАНСКАЯ ВОЙНА, РАЗВАЛИВАЛОСЬ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ВЕЗДЕ ПРОЦВЕТАЛИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО, КОРРУПЦИЯ, АЛКОГОЛИЗМ, ПОВСЕМЕСТНО НАРУШАЛИСЬ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, ГОТОВИЛСЯ ВЗЛЕТЕТЬ НА ВОЗДУХ ЧЕТВЕРТЫЙ БЛОК ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АТОМНОЙ СТАНЦИИ, И ВСЯ МНОГОСТРАДАЛЬНАЯ СОВЕТСКАЯ СТРАНА С НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДАЛА ИСТОРИЧЕСКОГО ПЛЕНУМА ЦК КПСС.

ВОТ И НАСТАЛ ЭТОТ ДЕНЬ! В КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ СЪЕЗДОВ СОБРАЛОСЬ МНОГО КОММУНИСТОВ. НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ КАШЛЯЛИ, ЧИХАЛИ, НО ПОТОМ ВДРУГ ВОЦАРИЛАСЬ МЕРТВАЯ ТИШИНА.

ЭТО ВЫШЕЛ НА ТРИБУНУ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС М.С. ГОРБАЧЕВ. ОН НЕМНОГО ПОСТОЯЛ В ГЛУБОКОЙ ЗАДУМЧИВОСТИ И ВДРУГ ОТКРЫЛ РОТ.

Как писатель Гдов в историю влип

Лицевой летописный свод – монументальный памятник древнерусского искусства. В силу своей грандиозности, древности и исключительной ценности ему по достоинству принадлежит место в ряду таких национальных реликвий, как Царь-пушка, Царь-колокол, и его по праву называют Царь-книга. Из-за очень большого объема и разрозненности по нескольким хранилищам эта уникальная рукопись была доступна лишь очень ограниченному кругу ученых-историков и искусствоведов. Научное факсимильное издание призвано сделать Свод достоянием мировой культуры. По настоянию инициаторов проекта издания текст рукописи был транслитерирован на современный русский шрифт, что позволяет существенно расширить круг потенциальных читателей Свода.

Из газет

*Заново знаю: лицо – это свет,
способ души изъяснять благородство.*

Б. Ахмадулина

ДАТА: 02.09.2008

ОТ КОГО: Писатель Гдов. Gdov@yandex.ru

КОМУ: Безработному Хабарову. Chabar@gmail.com

ТЕМА: Лицевой летописный свод

Дорогой друг Хабаров!

Я тебе звонил неоднократно по домашнему телефону, однако никакого ответа не получал. Твой мобильный постоянно утверждает, будто **абонент временно недоступен, перезвоните позже**. Что это означает – я не знаю. Почтовое мое отправление вернулось обратно в разорванном виде и с бессмысленной припиской «НЕ ВРУЧЕНО АДРЕСАТУ», как будто я и сам этого не вижу. Вот почему я вынужден прибегнуть к электронной почте, как к последней своей надежде. Дело в том, что меня магическим образом **взяли в заложники**, и теперь требуется заплатить за меня выкуп.

Нельзя сказать, что мною действуют целиком меркантильные чувства, что ты можешь заподозрить, если не дочитаешь мое послание до конца. Но я, «зная вас тысячу лет» (помнишь, откуда эта цитата?), понимаю, что мое письмо будет тобою непременно прочитано. Ибо любопытство в какой-то степени **движитель** твоей жизни, тот конек, на котором ты скачешь **по жизни** – туда-сюда, от богатства к нищете, от уныния к просветлению, от радости к печали. И обратно. Ты увидишь, что забота о духовном в моем тексте **превалирует** над земным.

Не скрою, что я даже побывал у тебя на квартире, как частный детектив. Не скрою, что эта коммунальная квартира с высокими потолками, где ты, занимая раньше одну просторную комнату с двумя большими окнами, проживал (или все-таки **проживаешь?**) вместе с женою Таней по прозвищу Пятачок, произвела на меня странное впечатление. Во-первых, чего отродясь не бывало, она была украшена массивной новой дверью, которая при ближайшем рассмотрении оказалась бронированной, хотя и выполненной «под дуб».

Во-вторых, в квартиру я не попал. Высунувшиеся на шум соседи других квартир сначала сказали «че наглеешь, козел», а потом, подкупленные моими манерами и небольшим количеством денег, объяснили, что сами ничего не знают, что коммуналка расселена неизвестно кем, а жильцы съехали в неопределенном направлении, получив отдельные квар-

тиры на территории города Москвы. Хотя не исключено, что «этот туз» (они имели в виду тебя), который все это затеял, теперь владеет **всей** квартирой и что они сами тебя с нетерпением ждут, чтобы вчинить иск за неудобства, доставленные вследствие капитального ремонта квартиры без согласия других жильцов подъезда и конкретной лестничной площадки. Другие, впрочем, утверждали, что ты давно живешь за границей, потому что ты – внедренный туда полковник бывшего КГБ. Третьи намекали, что ты уже содержишься «в тюремном замке» (им я не верю, не такой ты человек, чтобы туда быстро залететь!). Но, все без исключения, они считают, что ты в последнее время разбогател, потому что сменил свою «Опель Аскону» производства 1985 года на «Шкоду Фелицию», а такая машина даже на вторичном автомобильном рынке стоит не менее 10 тысяч зеленых у.е. Все это совпадает и с моими жизненными наблюдениями над тобой, которые я веду в течение многих лет, начиная с нашей юности босоногой, прошедшей в стенах Московского геологоразведочного института им. С. Орджоникидзе, и заканчивая философическими беседами, которые мы время от времени вели (и, надеюсь, **будем еще вести**) по различным точкам общепита преобразенной капиталистическими преобразованиями столицы. Ты точно **опять разбогател**, у меня нет в этом никаких сомнений, отчего я пишу тебе это письмо, потому что я действительно **взял в заложники, I NEED YOUR MONEY**, мне **нужны твои деньги**. А тебе они практически не нужны. Поэтому ты должен их мне отдать для исполнения благих целей, от которых всем (включая нас с тобой и достаточно широкий круг других граждан Российской Федерации) будет только лучше.

Но все по порядку. Дело в том, что я, как ты знаешь, профессиональный писатель, а писательская судьба сложна, особенно в нынешние времена. Что, впрочем, касается и судеб всех других граждан нашей страны, ты это почувствовал на своей шкуре, когда у тебя сожгли нововыстроенный отель на Чудском озере около Пскова, куда ты вбухал все свои так называемые «сбережения», после чего оказался в нетях, то есть в той коммуналке, откуда сейчас тоже исчез. Или когда был вынужден прыгать за 7000 долларов в Черное море с Ласточкиного гнезда, находившегося тогда в другом, хотя и как две капли похожем на наше, государстве, на территории независимой Украины. Мои проблемы – иного рода. Ведь я не так связан с телесной стороной жизни, как ты, поэтому мои страдания носят характер более метафизический. В частности, я совершенно потерял интерес к спиртным напиткам и другим безобразиям, являющимся своеобразным горючим для писательского мотора. Уж не радуют меня пьяные физиономии отдельных моих сограждан и те дикие истории, которые они плетут, как бесконечную сеть, в которой сами же и трепыхаются. Мне все это надоело, с одной стороны, с другой – я более ничего делать не умею и не хочу, каждый должен существовать на том своем месте, куда его Бог определил, и моя функция, по моим ничтожным рассуждениям, заключается в том, чтобы ткать словесную нить вне зависимости от исходного ее материала. Вот почему я с одинаковым удовольствием пишу то, что в прочно забытые ныне, шестидесятые годы прошлого столетия именовалось «нетленкой», но столь же трепетно отношусь и к сочинению так называемой «публицистики», то есть «заметок» для газет и журналов. И то, что для другого – халтура, для меня – моя литературная жизнь, обеспеченная моим, именно моим словом. Кроме того, хочешь не хочешь, а мерзавцы большевики в данном вопросе были, по сути, правы: писатель **должен** изучать жизнь не только в пространстве за пределами Садового кольца, но и во времени, пронзая вертикалью взора все пласты и напластования нашей истории.

А ведь когда мне предложили написать очерк про «Лицевой летописный свод Ивана Грозного», я даже не знал, что это такое. Как этого сейчас не знаешь и ты, но через мгновение узнаешь.

ОБЪЯСНЯЮ: Лицевой летописный свод – это глобальное рукописное сочинение XVI века, где история нашей с тобой страны прослеживается от Библейских времен сотворения

мира – до конца царствия Ивана IV, которого одни до сих пор считают маньяком и кровопийцей, зато другие с пеной у рта доказывают, что именно при нем наше государство обрело свою суть, отчего и ухитряется существовать до сих пор вместе с его обывателями.

Некоторые из них самонадеянно полагают себя умнее и талантливее предков, которые не ведали компьютера, но я знаю – ты не из таких дураков, потому тебе и пишу, ради избавления от тоски и гибели в засасывающем водовороте жизни. «Вы умнее не стали, вы стали эрудированнее», – сказал мне Летописный свод. Я думаю, оглянувшись на то, что творится на нашей бедной Планете, ты с ним согласишься, как это уже сделал я. Читая повести Летописного свода, всю эту бесконечную сагу о любви и ненависти, подлости и благородстве, измене и преданности, я не раз приходил в уныние и даже пытался впасть в запой. Но вот странность – уныние это сменялось дивным ощущением того, что жизнь, несмотря на все катаклизмы, опять **побеждает неизвестным способом**. Сколько раз Россия и личности, ее населяющие, оказывались на грани полного их растворения в пространстве и времени, но каждый раз какая-то магическая, неведомая сила спасала нас от, казалось бы, неизбежного краха. Таков был эффект узнавания себя при моем первом знакомстве с этой драгоценной реликвией нашей страны, имеющей прямое отношение к нашей теперешней жизни. Я не случайно упомянул **ум предков**, которые наперед знали, что мы будем **ленивы и нелюбопытны**. Вся штука заключается в том, что кроме текста там почти на каждой странице имеются рисунки, и число их достигает **восемнадцати тысяч!** То есть если ты, потомок, не хочешь или не умеешь читать, то часами можешь изучать **ЛИЦА** людей, которые жили здесь до тебя, наблюдать их жесты, рассматривать их утварь, оружие, средства передвижения, наряды, дома, в которых они жили, церкви, куда они ходили молиться. Это – виртуальная Русь, в которой каждый, желающий осмысленно жить дальше, должен побывать непременно! Вне зависимости от того, кто он – левый, правый, красный, белый, зеленый, голубой, нищий или богатей. То есть ощущение того, что я живу в той же самой стране, что и ОНИ, которые из «свода», пьянит лучше алкоголя, и я знаю, о чем говорю.

А вот тебе разве не обидно, что простой еврей, простой армянин знают назубок длинную историю своего народа, даже Америка со своим коротеньким **бэкграундом** гордится парусным кораблем «Мэйфлауэр», на котором прибыли в Новый Свет первые **МЕРИКАНЫ**? И лишь мы – да, действительно «ленивы и нелюбопытны», но с этим пора завязывать. Пора, говорю я тебе, надеясь на твое понимание, на твой здравый смысл! И совершенно не важно в этом контексте, кем в натуре был Иван IV – последним феодалом или первым большевиком. Важно, что он **был**, что у нас страна была, есть и будет. Со своей историей и со своим **ЛИЦОМ**, которое, что греха таить, иногда превращалось в харю, но потом искаженные черты этого обезображенного лица смягчали, боговдохновенные, и горный свет **человечности** вновь заливал вечное русское пространство. И то, что я сейчас это тебе говорю, отнюдь, поверь, не запоздалое славянофильство или, напротив, космополитическое зубоскальство, а осознанная необходимость, донести до тебя ту полезную истину, которую я, кажется, обрел, когда Бог дал мне неожиданную возможность соприкоснуться с Летописным сводом.

Суть заключается еще в одном чуде. Ведь этот самый Свод многие годы существовал, **как бы** не существуя. То есть он, с одной стороны, имелся в виде огромных древних листов, хранящихся за семью печатями в важных научных местах страны: двух фундаментальных библиотеках и одном государственном музее, но доступ к нему имели лишь считанные единицы высоколобых граждан, именуемых историками.

И тут вдруг нашлись два мужика, один (к вопросу об интернационализме) – русский, другой – татарин. Они на все это безобразие смотрели, что все только мечтают, а практически ничего не делают, после чего дали друг другу слово, как Герцен и Огарев, издать этот самый свод факсимильным способом, то есть **один к одному**. Сунулись туда-сюда, денег нигде в стране для этого нету. То есть яхты-виллы покупать, с французской горы вниз на

лыжах с девками кататься, личные яхты-самолеты заводить, торговать на аукционе Сотбис картину «Десятый вал» – это пожалуйста, а на Летописный свод денег нету. И я сейчас скажу страшную вещь: не были они традиционными **гуманитариями** в смысле известного российского строительства бесфундаментных воздушных замков, итогом чего становятся лишь революции да сетования на гнусную жизнь и неправильное устройство мира. Ни одного ведь толкового дела такому гуманитарии доверить нельзя, **включая революцию!** Предаст, сам не ведая, из лучших побуждений, а потом **будет жаловаться**, что социум его урыл и снивелировал. Я знаю, я сам такой.

А были они интеллигентами **нового типа**. То есть **сами** сколотили неизвестно на чем огромные по моим-твоим меркам состояния в рамках постсоветского капитализма и **сами** издали Летописный свод ограниченным числом экземпляров, затратив на это кучу денег, преодолев немыслимые, теперь уже по общим меркам, трудности. «Свету истины не дали погаснуть, понесли его дальше», – именно так писал я об этом чуде в своем заказном материале и, уж поверь мне, не врал в этот раз за деньги ни секунды. И еще написал, не удержавшись, что все это вовсе не очередной способ «срубить бабки» или попытка выпрямиться рядом с «вертикалью власти», а по-настоящему Божье дело, может, они так каются, как разбойник Кудеяр.

Ну, написал да и ладно. Кудеяра вычеркнули. Написал, напечатал, надо как-то дальше жить, эпизод забыть, шустрить, готовиться к старости.

Ан нет, не получается, «как раньше»! Магическая сила Свода взяла меня в заложники, и теперь за меня требуется **заплатить выкуп**, отчего я и пишу тебе, как Ванька Жуков на деревню дедушке.

Не подумай, что я пьян или окончательно рехнулся умом, я и сегодня не пил, и вчера, и позавчера. Однако дело заключается в том, что без постоянного лицезрения Лицевого свода жизнь моя снова становится бессмысленной. Я на этом Своде, чтоб тебе было понятнее, **заторчал**. Ощущение легкого чуда – вот праздник, который теперь всегда со мной. С помощью Свода я излечился от тоски, безвременья, местаоставленности. Я обрел время, я обрел Родину, как бы пафосно ни звучали эти мои последние слова. Я влип в историю, как муха в янтарь. Моя родина – это наша родина. Лицевой свод – точка моей опоры, но только мир переворачивать не нужно, мир стоит правильно.

Поэтому я сразу же перехожу к делу и излагаю тебе свой бизнес-план.

Который заключается в том, что если деньги у тебя снова завелись, то ты их непременно снова потеряешь. Как это произойдет, я не знаю, но знаю, что это обязательно случится, и знания эти мне дал Лицевой летописный свод, где имеется немало историй о взлетах и падениях канувших личностей. Так что деньги ты все равно потеряешь. Или померешь с деньгами, что в сущности одно и то же – какая тебе радость от денег, если ты уже помер? Ты был богач, потом – безработный, сейчас, говорят, купил «Шкоду Фелицию» ценою не менее 10 тысяч зеленых у.е., но разве это аргумент для серьезного человека, если он не собирается и дальше плыть среди другого мусора по грязному течению **реки времен**, как дерьмо?

Поэтому я предлагаю тебе, если у тебя, конечно, деньги действительно есть, финансировать покупку всего лишь **ОДНОГО** экземпляра факсимильного издания Лицевого летописного свода **как бы** для себя, для твоей **личной вечности**. Поверь, что, войдя под своды Свода, ты наконец-то поймешь, зачем в России все происходит так, а не иначе. Когда, закрыв глаза, ты еще не спишь, но тебе уже не хочется подниматься. Я тоже не мог понять Россию умом, хотя прожил в ней, как и ты, всю жизнь, потому что понять Россию вообще невозможно, поэт частично прав. Но нужно к этому стремиться для себя, а не просто, видите ли, **верить**. Для спасения собственной души, раз уж тело – тленно.

Ведь ты, я знаю, вовсе не думаешь, будто это и есть нормальная жизнь – суета, высасывающий все твои соки бизнес, ругань и ласки жены, телевизор, газета, потакание соб-

ственным и чужим амбициям, вечный страх перед всем, в котором никто другому никогда не признается, но который испытывают **все**, ибо – люди. Вне зависимости от национальности, расы и цвета кожи. Но у других этого нет, а у нас есть наш Летописный свод. Голова современного человека набита кашей ненужной информации, и зачем тебе, к примеру, знать, развелась или наоборот сисястая теледива, не увлекательнее ль изучить подробности убийства в Орде великого князя Тверского Михаила Ярославича или понять, зачем дед Ивана Грозного покорил Новгород?

Вижу, вижу! Во дни сомнений и тягостных раздумий, в минуты пустоты и апатии ты станешь рассматривать древние картинки, и горячая пульсация живой исторической плоти заполнит твой мертвый вакуум. Ты пойдешь грозной тропой Ивана Грозного и вернешься обратно в Рай, откуда некогда изгнали Адама и Еву. Ибо Вечность – это Рай даже для грешников, прикосновение к Вечности – жизнь. Древняя книга раскроется над тобой, как парашют, и спасет тебя. Сила добротолубия, заключенная в этой книге, преодолеет смерть, но есть и мелкие радости жизни, которые ты непременно преумножишь, благодаря Своду.

– А вот поспорим на сто долларов, что ты не знаешь, как зовут третью жену Ивана Четвертого, – скажешь ты когда-нибудь своему случайному попутчику, молодому бизнесмену Васяте в спальном вагоне СВ поезда, идущего по рельсам вдаль, после того, как вы угостите друг друга коньяком «Хенесси».

– А это кто такой, Иван Четвертый? – спросит попутчик.

– Это царь твой, чушка! – рассердишься ты, глядя на него с философической укоризною.

– Ты че гонишь, мужик! У нас теперь всем известно, кто царь, который завершает восстановление вертикали к небесам! – вскричит Васята, но тут же поймет, что лопухнулся, и зауважает тебя еще больше.

Тонкая материя эта наша история! Лето, весна, зима, осень. Листва опадает, проходит жизнь, а зачем? И почему нас любят болгары и не любят англичане? И отчего у нас здесь все вместе – высокое и низкое, зверское и нежное, грешное и святое, бардак и порядок. Ты начнешь понимать это, когда изучишь эти ЛИЦА – моих, твоих, **наших** предков. Ты услышишь въедливую мелодию, которую исполнял на дуде древний русский нищий, узнаешь, что в XVI веке на Руси еще не пили чаю, перед тобою вереницей пройдут цари, князья, короли, воины, пахари, злодеи, праведники, верные жены, блудницы. Ты станешь другим человеком.

Ну, а если ты не хочешь жить и умирать другим человеком и эта судьбоносная (для тебя!) часть моего бизнес-плана тебя не увлекает, то вот тебе иной, материалистический резон для принятия правильного решения. Доллар рухнул, паевые фонды ненадежны, золото украдут, банковский процент низок. Я бы на твоём месте все равно вложил деньги в покупку этого издания, состоящего из двадцати одного тома в переплете из настоящей шагреновой кожи, весом более десяти килограмм каждый. Ведь эти книги будут только дорожать с годами, как старое дерево или слоновая кость, поэтому, если тебя **опять прижмет**, ты сможешь легко и с барышом продать их. А не прижмет, так подаришь их на смертном одре нашему родному Московскому геологоразведочному институту им. С. Орджоникидзе, который мы с тобой оба неизвестно зачем окончили. Все, авось, тебя черти меньше будут жарить на сковородке, когда ты окажешься ТАМ. Сильно надеюсь на то, что пока еще ты все-таки **ЗДЕСЬ** и в ближайшее время откликнешься на мое скромное предложение.

Любящий тебя Гдов

P.S. Да, забыл. Ты же меня наверняка спросишь, как в том анекдоте про «нового русского», а в чем, собственно, **нагребка** и чего это я, собственно, так хлопочу, уж не **с процента ль работаю?**

Ах, если бы с процента, дорогой друг, тогда б все было гораздо проще! Говорю же, что **влип в историю**, как муха в янтарь. Я, можно сказать, **вечности заложник, у времени в плену**. Но и я не лох, и я свой интерес имею. Лицевой свод, как видишь, мне жизненно необходим, равно как и тебе. Мой **бонус** прост, но велик: у меня денег нет и никогда, чую, не будет на такую неподъемную покупку, где цена даже одного экземпляра составляет безумную (для меня!) сумму. Но я стану приходить к тебе, а ты за это мое сводничество тебя с Лицевым сводом **разрешешь мне листать** драгоценные страницы, конечно же при условии предварительного надевания чистых белых нитяных перчаток, как это практикуется в музеях. Это и будет твой **выкуп меня**. Худо, если денег у тебя уже снова нет или ты исчез навсегда. Тогда и я пропаду. Худо!

P.P.S. И еще простое соображение: два толковых российских мужика, русский и татарин, сделали хорошее дело, хотя Иван Грозный в свое время покорял Казань. Так давай же и мы с тобой не будем лопухами. Увы, но пока что факсимильное издание Лицевого летописного свода есть только у Президента, Патриарха и еще у кого-то из начальников страны и ея олигархов. Они, конечно, разрешат нам, в крайнем случае, этим изданием пользоваться, но нам ведь и самим неудобно будет так часто беспокоить столь занятых людей :-).

Красавица Джемма

Святочный рассказ из жизни простых людей

По словам Э.Л. Войнич, реальных прототипов у персонажей не было – хотя Джемму, возлюбленную революционера, она «срисовала» со своей подруги Шарлотты Уилсон – помощницы теоретика анархизма Петра Кропоткина. Особенно высоко оценил книгу Никита Хрущев – он распорядился выплатить писательнице гонорар в 15000 американских долларов «за многочисленные издания в Советском Союзе ее романа «Овод».

Из газет

Они гуляли по заснеженным тропинкам Нескучного сада, как им обоим велели разные врачи, ходить пешком каждый день не менее часа, лучше два.

– Ты просишь что-нибудь поведать тебе из новогодних чудес с целью окончательного изучения окружающей жизни? – спросил временно не работающий москвич Хабаров бывшего сибиряка, а ныне тоже москвича литератора Гдова.

И, не дожидаясь ответа, начал свой святочный рассказ из жизни простых людей.

– Тебе ведь известно, что я родился и созрел в южном городе Б., который нынче конечно же за границей, а ранее входил в состав веселых и относительно дружных советских республик. Там, в нашем трехэтажном каменном доме жили замечательные личности – милиционер Абдурахман, колотивший детям грецкие орехи рукояткой служебного револьвера, любвеобильный дантист Еськин, которого хулиганистая молодежь изобразила мелом на серой каменной стене в виде огромного фаллоса с человеческой головой, будущий нефтяной миллиардер, а тогда скромный продавец продовольственного магазинчика Алик Мирзаян, мастер спорта по теннису Анатолий, про которого в газете был фельетон под названием «Не кочегары мы, не плотники», но конечно же из всех эксцентричных насельников моего дома и детства я лучше всех запомнил красавицу Джемму, ведь она хоть и недолго, но учила меня музыке.

Лет десять или двенадцать было мне тогда, а ей соответственно уже под тридцать, но выглядела она, как судачили женщины, «будто куколка»: огромные черные глаза с расширенными зрачками, белые носочки, аккуратная юбочка 42-го размера. Худенькая такая – как подросток, как Эдит Пиаф.

Отец ее, мусульманин с забытым мною именем, заведовал кафедрой марксизма-ленинизма в местном пединституте, который теперь, естественно, называется университетом, а мать, еврейка по имени Эстер, была профессиональной певицей, хорошо так пела, очень звонко. В Национальном театре.

Джемма-куколка, прямо надо сказать, действительно была красавица, каких еще поискать надо на земле, хоть сейчас и объявляют конкурсы Королев Красоты даже в милиции и прокуратуре. Такие уж времена. Раньше были одни времена, сейчас другие. Джемма знала языки – русский, украинский, азербайджанский, армянский, английский, французский, немного говорила по-немецки и по-грузински. Окончила консерваторию по классу рояля, и у них дома, в их обширной прохладной квартире был настоящий кабинетный рояль «Москва» производства комбината музыкальных инструментов «Лира», весом около 400 килограммов. Бывало, весь дом затаив дыхание слушал по вечерам, раскрыв окошки, блестящую игру Джеммы. Ведь это клевета, что простые люди не понимают классическую музыку!

Рояль у Джеммы был, а вот жениха все не было и не было. То ли некогда ей было отвечать на ухаживания ухажеров, то ли слишком разборчивой она была, то ли все ждала того единственного, с которым можно безбоязненно проплыть по бурным волнам Жизни на паруснике Любви, но факт остается фактом. Годы шли, а Джемма все была одна и одна.

Тут, к несчастью, и родители у нее умерли как-то практически в одночасье. Золотое горло певицы съела безжалостная страшная болезнь, а заведовавший кафедрой марксизма-ленинизма отец не выдержал этого горя. Слег и больше уже не вставал до самого своего земного конца, после которого стал покоиться на мусульманском кладбище южного города Б. К сожалению, вдали от жены, похороненной на кладбище еврейском.

Ну, жить-то надо! Погоревала-погоревала Джемма и стала зарабатывать себе на жизнь уроками музыки. Я, например, эти уроки ненавидел, потому что был совершенно неспособен к бытованию в этой области человеческой культуры. Джемма была меня линейкой по пальцам, именovala «идиотом, кретином и дебилом», что, по-моему, одно и то же, но ведь я могу ошибаться? «Злобная тварь», мысленно твердил я Джемме, гич-дулах¹, чтоб тебя «золотой осел» изнасиловал... Я к этому времени уже прочитал одноименный роман Апулея...

Гдов молчал.

– Вот ты мне говорил, что твоим литературным учителем был Василий Шукшин, – вновь обратился Хабаров к молчащему Гдову. – А я вот сейчас расскажу тебе историю и хлебом клянусь, что она произошла задолго до того, как Шукшин написал свой замечательный рассказ «Мой зять украл машину дров», где смирного алтайского мужика Веньку судят за то, что он заколотил свою суку-тещу в дощатом сортире.

И вот у нас тоже молодожен Рублев заколотил свою тещу гвоздями, но только не в сортире, а в ее однокомнатной отдельной квартире, откуда она постоянно поднималась к ним на второй этаж, чтобы учить дочку и зятя жить. Теща верещала. Соседи возмущались в открытые окошки, но в милицию никто не заявил, это было не принято, а телефона у тещи не было. Ей добрые женщины спускали на веревке с верхних этажей рис, орехи, курицу и чурчхелу. Джемма, по-моему, тоже что-то послала, она жила на третьем этаже.

Мы тоже жили неплохо. Поэтому я под влиянием этой истории решил тоже заколотить – двумя гвоздями крышку пианино, которое у нас было. Сказано – сделано. Я пианино «Красный Октябрь» гвоздями заколотил, родители строго наказали меня, но уроки, слава богу, прекратились. Я вообще-то музыку люблю, но только не так, чтобы самому играть.

Тем более что Джемма уже не смогла бы с прежним тщанием отдаться моему обучению, потому что она вышла замуж за амбала Рауфа неизвестной национальности. И амбал в данном случае не насмешка, а точное определение его профессии. Он работал грузчиком на так называемом «колхозном» рынке, а грузчика в тех местах называют амбалом, областное выражение. Добродушный, двухметровый амбал Рауф любил окрестную детвору и свою жену. Детвору он всегда угощал свежим хлебом и терпким сыром – в городе любили свежий хлеб и терпкий сыр. А что касается жены, то весь дом открывал окна, когда Рауф приходил с работы.

Сначала он долго кушал, а потом Джемма долго кричала:

– Не истязай! Ты невозможный! Больно! Сволочь! Негодяй! Люблю тебя!

И ее можно было понять, ведь росту в этой пигалице было сантиметров сто пятьдесят, а амбал, он и есть амбал.

А после долго играла на рояле, и, надо сказать, чудесно играла. Шопен, Моцарт, Чайковский, Брамс мгновенно оживали под ее быстрыми пальчиками. Весь наш дом, говоря, очень полюбил классическую музыку.

¹ Гич-дулах – грубое восточное ругательство.

Однако недолго длилась эта идиллия. Рауфа зарезали в пьяной драке, и Джемма еще более похудела. Ведь раньше в Советском Союзе годами и десятилетиями не было войны, но людей все равно убивали. Похудела еще больше Джемма и совершенно опустилась. Нечесаная, грязная, дурно пахнущая, она слонялась по двору, не произнося ни слова. И вечерние концерты ее тоже прекратились.

Тем более что из деревни, откуда родом был Рауф, под предлогом горя и похорон нагрянули родственники, человек пятнадцать, да так в квартире Джеммы и остались. Было из них взрослых мужиков человек пять, три женщины, остальные дети. Как они там все помещались – неизвестно, но люди тех мест привыкли к скученности. По их мнению, люди днем должны работать, а ночью спать все вместе на полу, на ковре. Мебель, кровати – все это лишнее. В деревне нет мебели, и все чувствуют себя отлично.

Приезжие и в городе устроились тоже отлично. Мужики подрабатывали, как Рауф, на рынке, бабы приторговывали, чем Бог послал, деточки за небольшие деньги оказывали услуги соседям. Например, вставали вместо них по утрам в очередь за свежим хлебом и терпким сыром. С продуктами в стране становилось все хуже и хуже. Кроме того, они потихоньку стали приторговывать принадлежащей Джемме мебелью. А поскольку им было неудобно, что она это видит, то они поместили ее в сумасшедший дом для ее же пользы, чтобы она не плакала по ночам, опускаясь все ниже и ниже. Примерно раз в месяц они забирали Джемму домой – люди же все-таки, не звери, но через день-другой аккуратно доставляли ее обратно в психушку.

Помню, старинный резной шкаф они продавали, спуская его с третьего этажа на толстых веревках. А вот с тем самым знаменитым роялем «Москва» производства комбината музыкальных инструментов «Лира», весом около 400 килограммов, деревенские прокололись. Не удержали рояль на толстых веревках, и он рухнул с высоты второго этажа, разбившись вдребезги.

И неизвестно чем бы закончилась жизнь Джеммы в СССР, если бы она не уехала из этой страны задолго до того, как она стала Россией и множеством других государств вроде Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Украины.

Тетка у нее обнаружилась во враждебном тогда советскому народу государстве Израиль, сестра певицы Эстер. Она туда племянницу и увезла. Навсегда. Случилось это под Новый год, а в каком году – точно не помню. Точно, что до Афгана и Олимпиады-80, но возможно, что и сразу же после шестидневной войны евреев с арабами 1967 года.

– Это, что ли, и есть твое святочное чудо, что тетка под Новый год вызволила племянницу из советского фараонского плена? Или ты победу евреев в шестидневной войне считаешь чудом? Так это действительно было чудо, но совершенно не святочное, потому что война была в июне, нужно знать чужую историю, чужой истории не бывает, – разворчался Гдов после длительной паузы.

– Нет, милый! – медленно возразил временно не работающий москвич Хабаров. – Чудо заключалось в том, что какая-то сила привела бесноватую в первое же Рождество по ее призыву на Святую землю в Храм Гроба Господня, где дочь мусульманина и еврейки уверовала во Христа, ибо пролился на нее горний Божий свет и в одночасье вернулись к несчастной здоровье, разум, красота. Ты не поверишь, но она вновь стала ласковой и доброй, как в детстве. Способная к языкам, она быстро выучила иврит и теперь уже много-много лет живет на севере Шаронской долины в городе Хадера, учит детей языкам и музыке, гуляет с ними по берегу Средиземного моря, о чем мне рассказали во время ностальгического визита в нашу преобразованную преобразованиями страну мои товарищи детства из южного города Б., ныне граждане дружественного нам государства Израиль. Ее все уважают и любят, хоть она и христианка. А вот замуж она так и не вышла, целиком посвятив себя другим людям. Да ты спишь, что ли, на ходу? – вдруг напрягся он.

– Что ты, друг! Это я просто закрыл глаза от волнения, вызванного твоим святочным рассказом с хорошим концом, – живо отозвался бывший сибиряк, а ныне тоже москвич литератор Гдов.

И зачем-то добавил:

– Эти глаза не солгут.

Приятеля долго смотрели друг на друга. Медленно оседали новогодние снежинки, доказывая своей дивной красотой, что жизнь все же не всегда подлая, скорей всего – вечная. Смеркалось. Новогодние дни короткие.

Оскал

Гораций, в мире много кой-чего, что...
W. Shakespeare, Hamlet.
Пер. Б. Пастернака

Идет автобус на Сан-Луи,
а из окошек
Фольклор

2008 год. Подошел официант, вежливо склонившись, всем своим видом излучая доброжелательность, радушие.

Писатель Гдов тогда сказал:

– Так. Для начала – полдюжины устриц Белон, два раза. И – ассорти сыров, как там у вас написано – «Бри де Мо», «Камамбер», «Шевро Сэн Мор». Суп из морепродуктов, приготовленный по рецепту испанских моряков. Годится? – обратился он к Хабарову.

Безработный Хабаров молчал.

– Годится, – подтвердил Гдов. – Горячее... Что бы взять на горячее? Филе оленя, что ли, приготовленное в прованских травах с гранатовым соусом? Или стейк «Гауди» из отборной испанской телятины с помидорами «Черри»?

– Лучше стейк, – сказал Хабаров. – Там мяса на 80 граммов больше. Стейк с картошечкой.

– Картофель по-африкански: запеченный на гриле молодой картофель с салатом из красных помидоров и лука, – пояснил официант.

– Годится, – не возражал Гдов. – Стейк так стейк. Две штуки с гарниром по-африкански. Авань, последние зубы не обломаем, – пошутил он.

– Десерт будете заказывать? – чуть-чуть напрягся официант. Почему? С чего бы это ему напрягаться, когда все сто раз было обговорено?

– Десерт мы заказывать будем потом. Или не будем, – широко улыбнулся Гдов.

– И устриц я тоже не хочу. Возьми мне лучше салат какой-нибудь, какой есть, – добавил Хабаров.

– Теплый салат с дарами моря: тигровые креветки, гребешки, брокколи, молодая спаржа, стручки гороха, кенийская фасоль, трюфельный соус? Салат из дикого сибаса с зелеными листьями щавеля плюс миндальный орех и кунжутный соус? Или салат ординарный – листья, редис, помидоры, стебель сельдерея, соус «Айова»? – перечислил официант.

– «Айова», – угрюмо отозвался Хабаров.

– Плюс устрицы ему – тоже, – снова ввязался Гдов.

– А пить что будем? – осведомился официант.

– А пить не будем ничего, кроме той воды, что в графине... – Хабаров отчего-то покраснел, заговорил решительно, махнул рукой, чуть было не заехав официанту в глаз.

– Товарищ шутит. Пить будем э-э-э, ну что-нибудь там попроще. Например, вот это – «Chateau Cissac Haut-Medoc AOC Cru Bourgeois» две тыщи второго года.

– По четыре тыщи сто бутылка? – спросил Хабаров.

– Да, – подтвердил Гдов. – Ну и водочки, конечно, для разгона. Грамм, эдак, ну, допустим – триста. И минералки, конечно.

– С газом? – спросил официант.

– Без газа, – ответил Гдов.

Официант почтительно ушел, а Хабаров страшно скрипнул зубом.

– Ты че? – спросил его Гдов.

– А ниче? – окрысился Хабаров. – Ты куда меня привел, мля? Здесь же, здесь же ни одного блюда дешевле тыщи нету.

– Не твоя забота. Я же сказал, что я тебя приглашаю. Это я на Западе в первый раз столкнулся, когда меня немец позвал есть свиную ногу айсбан, я тоже жался, как ты, а когда дошло платить и я вынул деньги, то немец мне и говорит: «Что вы? Я же вас **пригласил**». Помню, в Мюнхене это было, на Имплерштрассе, там неподалеку Роз-Мари Титце живет, лучшая их немецкая переводчица, – предался воспоминаниям словоохотливый Гдов.

– Оскал, – только и выговорил Хабаров, а его товарищ замер с открытым ртом.

– Повтори, повтори, что сказал, – вскричал он.

– Оскал капитализма. Зверский оскал капитализма, – уточнил Хабаров.

– Это прямо мистика какая-то, – сказал Гдов.

– Не мистика, а символизм, – возразил Хабаров.

И неизвестно, какое направление принял бы этот литературоведческий спор, но было уже поздно. Гдов раскрыл портфель властной рукой, положил на стол, крытый белоснежной скатертью, тощую пачку мятой бумаги и откашлялся.

– Ты че? – испугался Хабаров.

– А ниче, – дерзко отвечивал ему Гдов. – Буду читать тебе рассказ с одноименным названием. Итак, «Оскал». Рассказ...

«Сейчас-то уже все, конечно, не то, – начал он, – и прекрасность жизни заменена общечеловеческим прогрессом. Ракеты с богатыми туристами каждый божий день летят то на Венеру, то на Плутон, на Луну ходит дешевая космическая электричка. Генетически модифицированные щи растут на деревьях, заключенные в целлофановый мешок, не подверженный тлению. Вкусные щи, между прочим. Я ел. И даже горячие. Каждый обыватель нашего всемирного государства норовит себе со склада службы национального обеспечения геликоптер выписать, управляемый желудочно-кишечными газами. Летят себе на работу, покуривают, мурлычут под нос официальный гимн России «Песня счастья завтрашнего дня». И хоть, несомненно, и счастье, и одеться, и кушать у всех у нас есть, и средняя продолжительность жизни 374 года у мужчин, 542 у женщин, но, однако же, следует констатировать: сейчас уже все не то!»

– Это что еще за чушь? – заинтересовался Хабаров, но Гдов не успел ему ответить, потому что официант уже принес им плетеную корзину, где круглились пеклеванные булочки и подобно хищным рыбам вытянулись, замерев, мини-багеты, источающие хлебный аромат сиюминутной выпечки. Официант имел бейджик. На бейджике было написано «ДМИТРИЙ». Дмитрий еще и высокие такие цилиндрические бокалы поставил перед каждым из друзей. Бокалы были наполнены какой-то полужидкой желто-зеленой массой, похожей на продукцию расстроенного живота.

– Это – крабовый коктейль с тертым сельдереем. Подарок от повара, – пояснил Дмитрий. Он был, кстати, очень интеллигентного вида. В дорогих, кстати, очках. С хорошей правильной речью, столь отличной от распространенного быдлярского пришепетывания, безвкусно использующего аргю и ненорматив.

– А водка где? – спросил Хабаров.

– Водка следует, – по-доброму улыбнулся интеллигентный официант его простоватой нетерпеливости.

«...Общечеловеческий прогресс. А вот двадцать восемь лет назад, как сейчас помню, тридцатого числа августа, когда лист с дерев уж вниз летит, случился один такой ужасный

случай, – неожиданно продолжил Гдов, когда официант Дмитрий временно удалился. – Случай, когда целый автобус пассажиров вместе с водителем пропал бесследно, и никто, кроме меня, не знает, куда он исчез. Кроме меня. И никогда не узнает. Поскольку, чтобы узнать, надо осушить всю великую сибирскую реку Е., впадающую в Ледовитый океан, а это невозможно, потому что река Е. до сих пор дает слабый ток для нашей мощной экономики, как еще работают где-то же в декоративных целях туризма водяные и ветряные мельницы. И хотя сейчас даже детям известно, что ведущая роль электричества неизмеримо упала, замещенная расщеплением и нанотехнологией, осушать реку Е., впадающую в Ледовитый океан, все равно нельзя, себе дороже обойдется. Да и ни к чему это, если уж говорить честно. А если нечестно, то зачем тогда вообще говорить?

А тогда, как сейчас помню, много появилось глупых и плоских предположений относительно пропажи целого автобуса пассажиров вместе с водителем. Такую городили ересь, что – сплошной идиотизм, слабоумие и отсутствие фантазии. Я-то знал, в чем дело, да помалкивал. Мне это надо было, светиться?»

Принесли тем временем, даже не Дима, а какой-то другой лакей, водку в запотевшем хрустальном графинчике, сопровождаемую рядом пузатеньких бутылочек французской минеральной воды, но Гдова пока что невозможно было оторвать от читаемого им текста даже ради такого важного дела, как накатить, вылить в пасть и проглотить.

«Мне это надо было, светиться? Пропал, пропал автобус бесследно. «ЛИАЗ», автобус старый ржавый пропал, а я пережил такие ужасные минуты, что все эти двадцать восемь лет боялся взяться за компьютер, чтобы все подробности этой пропажи описать. Не то из суеверия боялся, потому что пошатнулась православная вера, не то из страха, что если бросишь в прошлое камень, то получишь оттуда палкой по голове. И лишь сейчас, когда я стар, сед, плешив и лыс, сейчас, предчувствуя, что дни мои сочтены, что я впадаю в вечность, как река Е. в Ледовитый океан, что сейчас уже все не то – все это всей кожей и душой чувствуя, боясь опоздать на Тризну Истины, я, наконец, решил открыться миру. Сейчас уже все не то...»

– Да и хрен бы с тобой, что не то, а ты решил открыться. Мы выпивать-то будем, или я попался, чтобы сначала прослушать все эти твои реализованные бредни? – прямо осведомился на правах старого друга Хабаров. А если бы он не был старым другом Гдова, то так бы и сидел, молча из деликатности, ожидая, когда нальют. Тут-то и устрицы, кстати, подоспели, а вместо «Айовы» подали все же салат из дикого сибаса, видать, служащий недослышал. И что такое «сибас», меня, пожалуйста, не спрашивайте, я этого до сих пор не знаю. И вообще, если вы ждете от меня эрудиции и правды, то вы их от меня напрасно ждете. Ведь эрудиция – она в Интернете, а правда – у Бога.

Они выпили и закусили вкусным хлебом с устрицами, которых было на большом блюде ровно двенадцать штук в мелко колотом льду, и лимончик желтел там же своей корочкой. Хорошие были устрицы. Только они в Москве очень дорогие, во Франции, например, они гораздо дешевле. Половина евро, что ли, штука? То есть полдюжины – три евро, около нашей сотни. Но это – в лавке бретонского рыбака, в ихнем ресторане, наверное, тоже, скорей всего, безумные деньги дерут, как везде, включая территорию бывшего СССР.

«А тогда мы выехали с опозданием на полчаса. Как всегда, потому что, в общем-то, худо ходил транспорт двадцать восемь лет назад. Ночью выпали обильные осадки, поэтому автобус юзил по глине грунтовой дороги. Все пассажиры сидели, придерживая в меру возможностей свой нехитрый скарб: узлы, мешки, коробочки, коробки, пакеты, корзинки. Ранний автобус – он следовал из райцентра К. в город тоже К., но стоящий на великой сибир-

ской реке Е., на которой райцентр К. не стоял, там, в райцентре К., реки не было. Вернее, была, но очень маленькая, практически без имени. И пассажиры эти были, как бы их назвали при Советах, колхозники, а ныне – вольные постсоветские крестьяне. Которые везли в город собственные, произведенные ими лично продукты, чтобы реализовать их на бывшем колхозном рынке. Тогда ведь как раз доброе наше руководство выгнало оттуда торгующих кавказцев-перекупщиков, и место приезжих начал медленно, но верно занимать коренной народ, наконец-то поверивший, что вся эта так называемая «демократия» всерьез и надолго. Огурчики, помидорчики, молочишко, творожок, сметанка, лучок, укропчик... Теперь-то уж никто и не помнит, но даже злодеи-большевики, узурпировавшие страну в течение семидесяти трех лет с 25 октября 1917 года по 20 августа 1991-го включительно, разрешали той категории своих рабов социализма, что именовалась «труженики сельского хозяйства», реализовывать на рынках собственные излишки. Поэтому у кого был такой излишек, тот его немедленно и вез на базар еще при коммунистах. Которые, как это выяснилось в дальнейшем, на этом именно и погорели, что частная собственность была, есть и будет выше всяких идей даже в России».

– Был бы у меня излишек, я бы тоже его продавал, – вдруг брякнул Хабаров, но, увлеченный собственным рассказом, Гдов его не услышал. Между прочим, Хабаров справлялся с устрицами не хуже Гдова. Не зря парень в цивилизованной Эстонии жил, где приватизировал вместе с эстонскими комсомольцами геологоразведочную экспедицию. Обидно только, что воровали, пакостили и коммуняли все представители дружной семьи народов СССР и Социалистического лагеря вместе, а отвечай сейчас за все советское свинство одни русские. Ну, да – зато теперь – демократия, сибас, «Айова». Почему, кстати, рестораторы назвали этот соус именем далекого американского штата? Зачем именно эстонцам засвербило именно сейчас переносить из центра Таллина памятник бронзовому солдату-освободителю, соблазняя малых и больших мира сего? Отчего наши вдруг взвились так, будто эти прибалты им на хрен соли насыпали? Что думают обо всем этом грузины и украинцы? Сколько еще в упомянутом мире загадок.

– Не по правилам, – сказал Гдов.

– Что не по правилам? – заинтересовался Хабаров.

– По правилам надо было к устрицам белое «Шабли» брать, а не водку.

– Ученый ты, я вижу, малый, но педант, – ухмыльнулся Хабаров, а Гдов продолжил чтение.

«...Собственность – выше всяких идей даже в России. И лишь двое подростков-балагуров не везли ничего и даже наоборот – все их преувеличенно остерегались, как бы они случайно чего не сперли. Молодые люди имели стриженные наголо головы, и им надо было в военкомат. Старики, наверное, помнят, существовала тогда такая странная организация, которая, дождавшись, когда юношам мужского пола исполнится восемнадцать лет, в обязательном порядке забирала их неизвестно куда и зачем. Там их два года били, мучили, заставляли ходить строем, копать канавы, прыгать, ползать, стрелять в живых людей и ненавидеть каких-то «врагов». Как хорошо, что все это осталось в далеком прошлом, и кругом теперь вечный мир во всем мире. То есть воюет лишь тот, кто хочет, да и то по взаимной договоренности...»

– Да ты, видать, пацифист, – осклабился Хабаров.

«...Осталось в далеком прошлом. Подростки, уверовав, что теперь они очень и очень brave, но, не имея денег, развлекались пока что языком.

– Нет! Нет! Ни за что! – вдруг вскрикивал один из балагуров, хотя его никто ни о чем не спрашивал.

Другой балагур хохотал, тыча пальцем в законное пространство:

– Ой, смотрите все! Вон в болоте по траве лыжники катаются!

И все невольно смотрели, и все невольно улыбались, радуясь этому чужому юношескому веселью. Хотя и остерегались, придерживали узлы, мешки, коробочки, коробки, пакеты, документы, деньги, завернутые в чистые тряпочки и спрятанные в такие глубины человеческого тела, где их не достигнет никакая вражеская рука.

Девочки... Две девочки ехали с мамой, которая и сама-то была еще далеко не старая. Накрашенная такая хной, намазанная эдакая помадой, с выщипанными этими стрелочками нацеленных черных бровей.

Девочки очень полюбили лихих призывников. Они шепотом повторяли друг дружке их *bon mot*, поглядывали на молодцов, постреливали в них глазками, хотя матушка их строговато поглядывала, похожая на Мэрилин Монро, кабы та всю жизнь до старости прожила в СССР и уже получает пенсию, увеличенную на сумму монетизации льгот, объявленную каким-то там министром соцобеспечения, которого ежедневно проклинает вся страна, а ему хоть бы хны.

И другие пассажиры тоже производили солидное впечатление. Дяденька в толстых роговых очках, как у ирландского писателя Джеймса Джойса, штук пять дамочек медвежьего облика с расставленными (в Сибири говорят «расшиперенными») коленками. Старушка – божий одуванчик, старичок – в юности, видать, прибалтанный хитрован, тоже одетый в очки. Двое «деловых», Федор и Кирилл с электронными калькуляторами... И еще многие, включая шофера, который, как сейчас помню, имел всего одно ухо. Другого уха у него не было. На месте другого уха у него не было ничего, кроме розовой кожаной плоскости. Ясные русские лица с уклоном в азиатчину, как это издревле повелось в Сибири, которую Ермак завоевал, как Колумб Америку, но с более гуманным результатом кровосмешения народов вместо геноцида исконных насельников этих отдаленных от Москвы мест.

Лишь одна девушка особняком держалась от остальной публики. Девушка, которую я запомню по гроб жизни, ибо была она вылитая рысь, каковых изображают в красках учебники и энциклопедии для детей.

Вылитая рысь! Темная шерсточка хищницы над узкой верхней губой. Темные очки вполлица. Резко очерченный подбородок. И стройна она была, стройна, изящна, всегда готова к любому прыжку.

Читателя этого рассказа, если он когда-либо будет напечатан, конечно, может заинтересовать, а что я там делал и как, в частности, в этот загадочный автобус попал. Отвечаю: ездил в райгород К. изучать жизнь и зарабатывать деньги. Помните, были такие **деньги**, назывались рубли. Их я и ездил зарабатывать. А как – я более конкретно ничего больше не скажу. Во-первых, мы не в налоговой инспекции или, не дай бог, полиции, а во-вторых – неважно, необязательно, может увести рассказ в сторону от его основного сюжета...»

Последнее слово Гдов не успел закончить, потому что на столе уже стоял морепродуктовый суп по рецепту испанцев – уж не Колумба ли упомянутого? И официант Дмитрий стоял, с легкой укоризною глядя, что суп остывает, а его не едят.

– У вас все в порядке? – спросил он.

– Да, очень вкусно, – похвалил Хабаров, наливая в рюмки «по 30 грамм».

Чокнулись. Выпили. Захлебали супом. Хабаров огляделся и увидел, что прямо за его спиной помещается громадный аквариум, в котором живут гигантские ракообразные морские животные, активно шевелящие своими клешнями и другими конечностями.

– Это – наша гордость, камчатский краб. А вот – лангуст. А это – американский лобстер, – пояснил Дмитрий, который всё почему-то от их стола не отходил и даже позвал друтого халдея, чтобы тот помог ему объяснить значимость этих находящихся в водном плену экзотических существ, которых, по его словам, можно было тут же съесть по желанию, предварительно достав из аквариума и подвергнув термической обработке. «Стоить будет это удовольствие не меньше штуки баксов», – меланхолически подсчитал Хабаров.

– Суп съеден, водка кончилась, и это хорошо, – сказал Гдов. – Давай перед горячим я тебе еще немного почитаю...

– Давай так давай, – легко согласился самую малость захмелевший Хабаров.

«Двадцать восемь лет! А помню, как сейчас! Пускай я стар, сед, плешив, лыс и чувствую, как уже готовится земля ко времени моего будущего в ней захоронения. Знаю, что умру. Но это ничего, я не исключение, хоть и достигла средняя продолжительность 374/542. Не я первый, не я последний. Все или умерли, или еще умрут. Мне главное, чтоб не в крематорий. Двадцать восемь лет прошло, а помню, как сейчас.

Автобус наш шел и удваивал скорость, а время от времени даже и плыл, поскольку жидкая грязь скрывала дорогу, и была эта грязь, как волны. И автобус по этим волнам время от времени плыл до того самого момента, пока окончательно не въехал в канаву.

– Вылазий! – крикнул одноухий водитель. – Вылазий! Толкнем!

– Мужчины, вы слышите? Слезайте, – загомонили дамочки медвежьего облика.

– Ишь ты, дрексель-поксель, – крикнули подростки, готовые к любым испытаниям.

И вся публика высыпала из автобуса вон.

И толкали.

И комья грязи летели на толкающих по причине бешеного вращения лысой резины заднего правого колеса.

– Еще разик, сама пойдет! – шумели самотолкатели.

И, представьте себе, вытолкали. И это неудивительно, потому что ресурсы силы коллективных действий еще недооценены до конца даже и в нашем просвещенном веке. Но если вспоминать Мюнхгаузена, который сам себя из такой же грязи вытащил за волосы, то эту его историю непременно следует относить к ошибкам перевода, связанным с сильным полем давления русской ментальности на мозг переводчика. Человек ведь не может САМ СЕБЯ вытащить из грязи за волосы, да? Или все-таки может?

И толкали. Потихоньку, полегоньку, но автобус все же выполз из грязи. Как всегда.

Усталые, но довольные, извалявшиеся, как свиньи, забрались мы в машину. И совсем бы уж поехали, но тут в пределах прямой видимости, на предварительно скошенном поле произошла та самая сценка, которая резко изменила ход текущих событий и привела к печальному исходу этого рассказа.

Вернее, не произошла, а происходила, длилась, продолжалась. Мы просто не замечали ничего прежде, увлеченные созидательным трудом спасения. И не сценка, а действие. Любовь двух неизвестных, голых гражданина и гражданки, вершившаяся на той полиэтиленовой пленке, которая покрывала высокий стог свежескошенного сена. Любовь, из которой видно было совершенно все, все подробности, как будто не по чистому полю мы едем, где на горизонте смутно белеют отроги Саян, и воздух напоен девственной свежестью, а коллективно смотрим нелегальный порнографический фильм, приобретенный за небольшую плату в сомнительном ларьке продажи пиратской продукции, с чем теперь тоже взялось активно бороться наше бодрое правительство, уставшее от своего вялого нерасторопного народа, который так трудно, почти невозможно вести к счастью.

Ошеломленные обитатели автобуса лишь мгновение понаблюдали этот мощный парад плоти, затем, колеблясь, синхронно отвели глаза, одноухий резко тронул с места, и автобус помчался, и скорость его постепенно становилась окончательно дикой.

Дик был и вид пассажиров. Лица, изначально отмеченные исконным влиянием сельской природы, натурального хозяйства, стали кривиться, мельтесить (тоже сибирский разговорный диалект!), наливаясь кровью, как у насосавшихся этой крови упырей».

...Что-то произошло и в ресторане, где так насыщенно пировали друзья. Какое-то шевеление народное. Столики постепенно заполнялись представителями среднего класса новой буржуазии. На парковке под окнами уж не оставалось мест, потому что все они были заняты черными «Мерседесами», «Вольво», другими дорогими машинами, названия которых приводить не следует, потому что все их и так знают. Вот пожилой человек с галстуком, откуда сверкает мелкий бриллиант, кушает египетскую утку, вот парочка мытеньких клерков обоего пола углубилась в карту вин, а между ними уж горит объемная свеча, вот несколько официантов, ведомых метрдотелем, несут под бравурную музыку огромный торт. У какого-то счастливца сегодня день рождения. Стейк «Гауди» из отборной испанской телятины с помидорами «Черри» и молодой картошечкой не стоил, по мнению Хабарова, тех денег, которые за него определили в меню. Зато вино Chateau Cissac Haut-Medoc было, по его же словам, «вкусненькое».

– А я спасся, – неожиданно сказал Гдов. Хабаров поперхнулся и закашлялся, частично выпучив глаза.

«Спасся! Я спасся, – продолжал чтение Гдов. – Спасся потому, что люк был поломан, который на крыше автобуса. Люк, имевшийся в поломанном виде на крыше автобуса, был по этому случаю открыт, и я спасся. Ветер свистел в люк.

Люк был поломан, а я спасся. Из этого явствует, что всякий минус имеет свой плюс, как совершенно верно утверждал некто, кто умней меня. Кто же это был? А-а, так это ведь я сам же и был, сам же и утверждал. А где, когда, и сам не помню. Забыл. Все забыл. Скоро, видать, помру.

Эхе-хе... Вот жил, жил, жил изо всех сил. По сторонам смотрел. Любил. Деньги зарабатывал. Ну и зачем смотреть по сторонам, когда меняется только декорация, любовь уходит с шипением, как вода в песок, а деньги отменили за ненадобностью, и все умерли или еще умрут, не я первый, не я последний. Что из того, что сейчас средняя продолжительность у мужчин 374 года, у женщин – 542, если все все равно умрут. Вот тебе, к примеру, не 374, а всего лишь 342, но ты все равно рано или поздно умрешь, и тебя – в крематорий. Мне главное, чтоб не в крематорий, а то нынче всех умерших первым делом в крематорий тащат, такой завели «новый порядок». Мне главное, чтоб не в крематорий. Мне главное, чтоб не в крематорий...»

– Тьфу, – цыкнул зубом Хабаров. – Заело там у тебя, что ли?

– Извини, волнуюсь в предчувствии кульминации и вытекающего из нее катарсиса, – кратко пояснил Гдов.

«Вот, стало быть. Лица, значит, отмеченные влиянием полей и тополей, стали кривиться, мельтесить, надуваться, и некоторые из них, казалось, готовы были лопнуть, подобно тем крашеным резино-техническим изделиям, наполненным водородом, которые так любил носить на нитках праздничный советский народ...»

– Извини, но я что-то не верю, как Станиславский, что на описываемые тобой лица столь повлияло лицезрение таких скромных сцен ординарного сельского секса. Даже с учетом склонности созерцательной российской ментальности к вуайеризму, – возразил Хабаров, но Гдов, казалось, уже совсем не слушал его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.